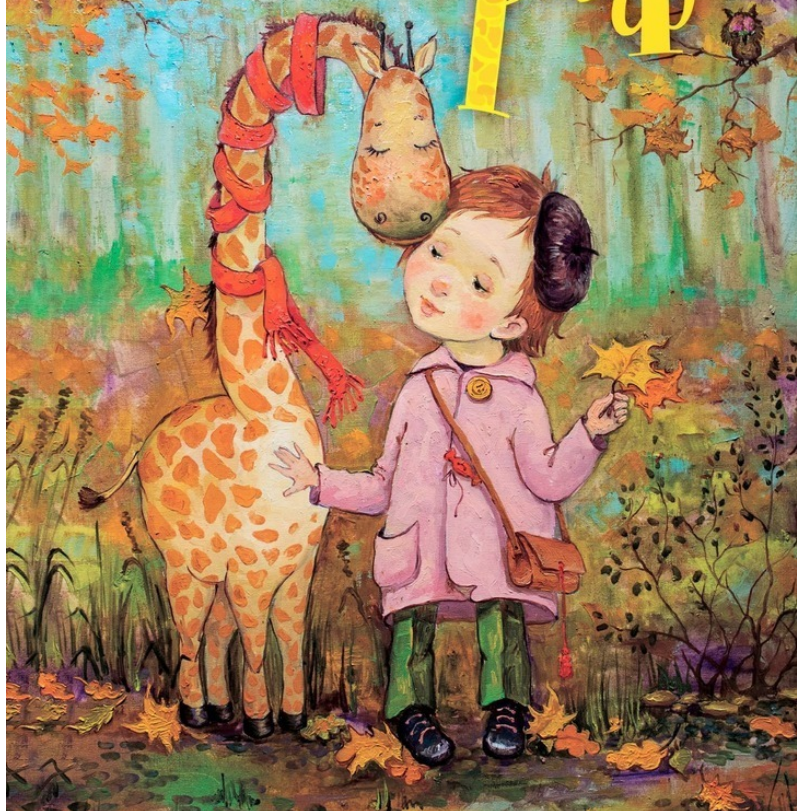

Семен Ханин, Анна Ханина

Осенний Жираф

**Анна Ханина
Семен Ханин
Осенний жираф**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923557

ISBN 9785005001344

Аннотация

Присмотритесь к падающим каплям: разве вы не видите в них мою любовь – мою гордую птицу, которая танцует в обнимку с дождем? Разве ваше сердце не вторит моему, требуя дальше и дальше продолжать этот танец небес?

Содержание

Вместо предисловия	7
Осенний жираф	10
Купите	19
Вымышленная история	29
Глупая шутка	37
Когда цветет папоротник	46
Облачное королевство	57
Серенада солнечной долины	66
Умник и Мила	74
Чудный новый мир	83
Закон сохранения	94
Генерал	104
Коля	116
Зербина и Дон Жуан	125
Высокий суд	134
Равный Богу	143
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Осенний жираф

Семен Ханин
Анна Ханина

Иллюстратор Катя Дудник

Дизайнер обложки Алена Сертдемир

© Семен Ханин, 2019

© Анна Ханина, 2019

© Катя Дудник, иллюстрации, 2019

© Алена Сертдемир, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0134-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Ваше Величество! Я никогда ничего не просил. Все, чем меня награждали, – это делали монархи по своей воле. Но сейчас я униженно прошу Вас. Я передал через капитана Харди для леди Гамильтон прядь своих волос и все свои вещи. Я не нажил состояния, ведь верная служба оставляет раны на теле, а не деньги в кошельке. Наверное, после смерти меня похоронят в Соборе Святого Павла и дадут звание адмирала. Может, перепадет что-то еще. Много чести для сына сельского священника, Ваше Величество. Умирая, я готов продать ее всю. Я не прошу подачки – купите ее, Ваше Величество. Назначьте свою цену. Купите мои победы, мои ордена, мои регалии. Мне нечего оставить моей Эмме и дочери. Трафальгарская победа, скорее всего, спасет Королевство от войск Наполеона. Это же стоит чего-то в звонких монетах?

С уважением, Ваш преданный и покорный слуга, моряк Королевского флота, пока бьется сердце, Горацио Нельсон.

Завещание адмирала Горацио Нельсона не было выполнено ни на йоту. Эмма Гамильтон и ее дочь Горация Нельсон жили в бедности в маленькой деревушке во Франции, в стране, с которой всю жизнь воевал адмирал. Так было дешевле. Вскоре Эмма умерла от дизентерии. Она завещала похо-

ронить себя рядом с Нельсоном, но была похоронена в безымянной могиле где-то под Кале. Горация, дочь адмирала, впоследствии вышла замуж за бедного деревенского священника.

Если Вам придется побывать в Лондоне, обязательно зайдите с экскурсией в Букингемский дворец – резиденцию королевского двора. Восхититесь его роскошью и убранством. Посетите в центре Вестминстера Трафальгарскую площадь, где стоит колонна, посвященная адмиралу. А затем плюньте на все это... И, заказав бокал желтого рома, выпейте его до дна. За Англию, за милость королей и королев, за всех наших власть имущих – президентов, министров и депутатов. Это стоит того.

Katya Dzhul

Осенний жираф

*Мы, не узнанные друг другом,
Задевая друг друга, идем...*

Е. Евтушенко

Мягкая желтая листва устилала жирафу путь дорожками парка. Человеческие мама и папа усыновили его еще маленьким жирафенком и дали потешное имя Генрих. У мамы и папы была еще дочка Настя – смешная смышленная девочка с большими грустными глазами и рыжей копной волос, за которую сам месяц октябрь мог влюбиться в нее с первого взгляда.

Жираф тоже был рыжий, и повязанный заботливой маминой рукой оранжевый шарф, чтобы маленький Генрих не простудил непомерно высокое горло, еще больше добавлял в его окрас всевозможные желтые оттенки. Казалось, сам месяц октябрь гуляет с Настей в городском парке, окруженный спешно разукрашенной в осень листвой.

Гуляя, Настя любила разговаривать, рассказывать Генриху все свои мысли, переживания, чаяния и надежды. Жираф же все больше молчал, так как все жирафы в целом не слишком разговорчивы, и, перебирая ушами, иногда тихонько отвечал своей названной сестричке, нашептывая ей прямо в ухо. От шепота жирафа в ухе становилось тепло

и немножечко щекотно, но Настя очень любила неторопливые прогулки и беседы с Генрихом, так как четырехлапый братик понимал ее, как никто другой. Разве только мама могла составить Генриху конкуренцию. Плюс он не был таким шалопаем, как мальчишки Настиного возраста.

Жирафы взрослеют раньше людей в среднем раза в три, и наш Генрих постепенно стал для Насти еще и старшим братом, который позаботится о своей сестре, когда родители заняты или устали. И Генрих старался изо всех сил, расстилая постель и аккуратно укладывая туда свою шею и голову, чтобы Насте было не страшно спать ночью, обнимая жирафа за шею. А на прогулке он мог легко рассмешить Настю, забрасывая белкам грибы прямо на вершины деревьев, причем особенно удачный бросок они отмечали громкими криками «Гол!» и беличьими аплодисментами.

Но жизнь текла своим чередом, и сегодня Насте хотелось поговорить. Как иногда хочется просто поговорить! Кто и зачем так устроил человека? Но при всей простоте этого желания оно зачастую весьма трудновыполнимо, ведь говорить хочется с тем, кто поймет тебя и никогда не обидит, никогда не использует услышанное, чтобы высмеять. Пробовали ли вы найти такого собеседника? Жизненный опыт людей постарше говорит об обратном – о том, как друзья превращаются в злейших врагов, родные предают и отворачиваются, и ты раз за разом жалеешь, что был откровенен с кем-то, стыдишься, как хвативший лишку спиртного на корпо-

ративе и станцевавший на столе, понимающий наутро, что теперь до пенсии все коллеги будут подсмеиваться над этим танцем, которому сами рукоплескали еще вчера. И вот детские представления о дружбе и любви сменяются на товарищество и комфорт, и если вы расстаетесь с кем-то, отсутствие в прошлом задушевных бесед делает такую потерю легче и безболезненнее, лишний раз убеждая в пользе молчания или бесед ни о чем. И мы превращаемся в молчунов или говорим о ненужных вещах, заворачиваясь и прячась за этими разговорами, как за слоями брони.

Иногда можно даже поразиться, насколько мы научились молчать. Мы молчим о самом важном, о том, что больше всего беспокоит, доставляет постоянный дискомфорт, или о том, чего хотим больше всего на свете. Мы боимся стать заложниками высказанного, ведь мысли – как код от сейфа, который нельзя сменить или перепрограммировать после выпуска с завода. Дай в порыве дружбы или любви код единожды – и ты на всю жизнь заложник чьей-то порядочности. Кто захочет такого?

Или другая беда – когда твои мысли, не причесанные и приглаженные, а те, что идут изнутри, раскрывая тебя настоящего, могут задеть, обидеть собеседника, так привыкшего к твоему молчанию или пустым разговорам, раскрыть тебя совсем не так, ломая в один миг вымышленный и надуманный образ.

Господь с небес, наверное, поражается тому, как мы ис-

пользуем его дар говорить, пряча его, как нечто постыдное и отвратительное. Те же, кто зарабатывают на жизнь психиатрией, или священнослужители, старающиеся делать примерно то же самое, хорошо знают, как решается большая часть проблем. Даже в браке люди спят в одной постели, но стесняются начистоту высказать свои мысли, просто поговорить. Вот и идут к доктору или священнику по очереди, и он, как коммуникатор, выслушивает супругов, налаживая между ними простое общение. «Господи, чего ж он так долго молчал?» – восклицаем мы порой, услышав от доктора сокровенные желания близкого нам человека. Молчал, потому что так спокойнее, привычнее и безопаснее, потому что жизнь научила его молчать там, где говорить жизненно важно. Такой вот парадокс.

Но Настя была еще маленькой девочкой, а Генрих – жирафом, и Настя на прогулках часами могла рассказывать свои истории и обсуждать взрослые проблемы, наговариваясь впрок.

«Почему люди такие злые? – спросила она Генриха однажды. – Злой волшебник их делает такими жестокими или ухудшающаяся экология?» Настя часто смотрела с Генрихом телевизор и хорошо разбиралась в экологических проблемах и глобальном потеплении. «Вот те злые дяди, у которых поднялась рука снести трактором папин с мамой ларек». Мама проплакала тогда всю ночь, спрашивая у папы, как они теперь будут кормить семью. Папа молчал и утешал маму

тем, что как-то протянут, что он найдет себе хорошую работу. Но от папиных слов становилось еще грустнее, и хотелось плакать даже Насте, слышавшей через стенку мамин плач и разговор родителей.

Тогда Генрих плотнее прижал шею к Насте и рассказал ей сказку об Осени и ее любимом сыне Октябре, который, естественно, в сказке Генриха был самым красивым жирафом с непомерно длинной шеей. Сказка заканчивалась тем, что Октябрь уходил вслед за мамой, как утенок за мамой-уткой, но обещал маленькой девочке вернуться, когда повзрослеет, и быть с ней рядом всегда, а не только в октябре. Но финал сказки Настя уже не слышала – она мирно спала, крепко обнимая шею жирафа.

Сегодня Генрих отделаться сказкой не мог и наклонил голову близко к уху девочки: «Понимаешь, они больны, просто больны. Они больны этой болезнью взрослых – молчанием. Они ожесточились на весь мир, будучи непонятыми сами и не понимая других. Им кажется, что мир злой, и чтобы выжить, им тоже надо быть злыми». «Но если они больны, – спросила Настя, – почему их никто не лечит? Почему никто не поговорит с ними и не расскажет правду, не откроет им глаза? Они бы могли узнать о нас, о тебе и обо мне, как мы любим друг друга, как помогаем белкам в лесу, и они бы разломали свой трактор на куски».

Генрих тяжело вздохнул, как это умеют делать только жирафы за счет непомерно высокой шеи, и с нежностью по-

смотрел на Настю: «Видишь ли, девочка, эти дяди, как твои мама и папа, тоже кормят свои семьи. Просто они выбрали такую работу – мучить и ломать, потому что думали, что так устроен мир, где все молчат. А теперь они боятся поломать трактор, ведь тогда им нечем будет кормить свои семьи. И поставить свой ларек они тоже боятся, ведь тогда их бывшие друзья и коллеги могут прийти с трактором и сломать его».

«Значит, страх рождается молчанием? Вот в чем причина всех бед?!» – воскликнула Настя. «Да», – сказал жираф, и они побрели дальше, уходя за петляющей дорожкой. «Тогда я никогда не буду молчать! – сказала Настя. – Нет, мы никогда не будем молчать! Мы пойдем с тобой к людям и будем разговаривать с ними. Они смогут получше узнать нас, а значит, и себя, и никто ничего больше не будет бояться и ломать».

Генрих слушал Настю и думал о том, как странно сложилась его жизнь. Он, полужираф-получеловек, волею судеб оказался здесь, в парке, с девочкой Настей. Одни люди убили его настоящих жирафьих родителей, другие усыновили его и воспитывают как родное дитя. Одни люди молчат и разрушают все вокруг, а маленькая девочка хочет вылечить разговорами весь мир и сделать людей добрыми. Правда, она всего лишь маленькая девочка, а родительский ларек снесли взрослые тети и дяди. Но Настины родители хоть и молчат друг с другом, как все взрослые люди, они ведь не стали та-

кими же? «Станут или могут стать, – подумал Генрих про себя. – Найдут сейчас работу в другом городе и отдадут меня в зоопарк, так как не смогут перевезти с собой. Или предложат им работу в фирме типа „Благоустрой“, и станут они тоже что-то ломать на прокорм себе и нам с Настей».

«Но чем идти в клетку в зоопарк, лучше умереть от голода», – подумал еще Генрих. Ничего такого он Насте, конечно, не сказал, ведь она была маленькой и доброй девочкой, которая еще не потеряла дар разговаривать. Он ловко подбросил найденный гриб на верхушку ближайшего дерева. Белки запрыгали от счастья, забегали по стволу дерева, распушив свои знаменитые хвосты, а Настя бегала вокруг и громко кричала: «Гол!»

А потом они вернулись домой, и долго булькали чаем, так как мама с папой устроили большой праздник чаепития с самоваром и баранками. Родители были веселы и много смеялись, как не делали уже давно. Наутро папа и мама оставили записку и, не попрощавшись, уехали на заработки в соседнюю страну. Они писали, что будут присылать много денег, а за Настей с Генрихом пока будет смотреть бабушка. Они же сами постараются почаще приезжать и радовать детей подарками.

А затем поздней осенней ночью мама и папа, уставшие, ехали за рулем... Генриха отдали в зоопарк, где он веселил детей, пока не умер от старости, а Настя выросла и стала прокурором. Она добилась больших высот в своей профес-

сиональной карьере и пересадила все руководство «Благоустрою», оставив уже их семьи без кормильцев.

Она, как все взрослые, научилась молчать, вышла замуж и родила сына, настояв на его имени Генрих. И как только ее сын научился ходить, она отвела его в парк и стала вместе с ним бросать припасенные грибы белкам на деревья, а когда гриб попадал по назначению, они, взявшись за руки, бегали вокруг ствола и кричали: «Гол!» На ночь Настя любила рассказывать сыну сказку об Октябре, что был жирафом и сыном Осени, и умел разговаривать.

А ночью, во сне, к ней приходил ее жираф Генрих с повязанным на шее оранжевым шарфом, и они долго гуляли дорожками парка. Настя хотела ему что-то сказать, оправдаться, но ни слова не срывалось с ее губ. Тогда она крепко обнимала жирафа за шею и стояла так с ним все время, пока сон не уходил, уступая место утренней заре.

Купите

*Но наш король – лукавый сир
Затеял рыцарский турнир,
Я ненавижу всех известных королей!*
В. С. Высоцкий

Ваше Королевское Величество Георг III! Я простой моряк, солдат Короны и Ваш слуга, хоть и пользуюсь дарованными Вами титулами барона из Нила и Бернем-Торпа в графстве Норфолк, герцога ди Бронте, пожалованного мне королем обеих Сицилий Фердинандом I и милостиво разрешенным для использования в Великобритании Вами, кавалер рыцарского креста ордена Бани, виконт, пэр Соединенного Королевства, вице-адмирал. Но смерть своим величием уравнивает всех смертных, и только это позволяет мне, находясь на смертном одре, продиктовать письмо.

Мы во многом похожи, Ваше Величество. В двенадцать лет Вы стали Принцем Уэльским (титул каждого мужчины – наследника английского престола). Я же в двенадцать лет поступил юнгой на военный корабль королевского флота «Резонабль». Мой отец, простой сельский священник, не мог прокормить после смерти нашей матушки всех одиннадцать детей, и я вызвался уйти на флот добровольно, чтобы облегчить бремя отца. Без пяти минут юнга, я плакал как дитя, прощаясь со своим старшим братом Уильямом, а ведь мо-

ряк не должен плакать. Я знаю, что и Вы проронили слезу, принимая титул Принца Уэльского, став на путь служения стране, как и я, вслед за Вами, – служения флоту. «В борьбе за награды и славу вперед, отважный моряк!»

Вскоре я стал мичманом на «Триумфе», а Вы под чутким попечительством лорда Бьюта вступили на престол. Вы стали монархом и отцом каждому жителю Соединенного Королевства, а я – офицером Королевского флота. Это был грозный флот, должен я Вам доложить, Ваше Величество. Вы царствовали на суше, а Ваш флот на просторах океанов и морей, омывающих всю земную твердь.

1773. Вы помните этот год, Ваше Величество? Не самый удачный для нас с Вами год. Бостонское Чаепитие, когда горожане выбросили в бостонскую гавань 340 корзин с чаем, затем война, и эти лягушатники французы, поддерживавшие смутьянов. Вам пришлось признать независимость Соединенных Штатов Америки. Я же тогда служил на бомбардирском корабле «Каркасс», что был отправлен адмиралтейством в полярную экспедицию. Я один, вооруженный мушкетом и храбростью, что так свойственны английским морякам, столкнулся с полярным медведем. Эта встреча чуть не стоила мне жизни, но я не хотел бы по таким пустякам отвлекать Вас, Ваше Величество. Главное, для капитана и экипажа я был героем, не посрамил Королевский флот.

1784. Вы, Ваше Величество, одержали блестящую политическую победу над вигской олигархией и распустили пар-

ламент, открыв путь к прогрессу и процветанию державы. Я тоже вспоминаю тот год с величайшей признательностью. Будучи капитаном фрегата «Борей», я зашел в гавань острова Антигуа для пополнения припасов. Джейн Моутрей, жена представителя Адмиралтейства, до чего же красива эта женщина (!), приходилось ли видеть ее Вам, Ваше Величество? Нет, жаль. До чего же красива Джейн! Все офицеры флота завидовали представителю Адмиралтейства и, напрашиваясь в гости, взглядом съедали его супругу целиком, но жена офицера флота священна для любого моряка, никто не посмел себе ничего дурного. Но поверьте мне, Ваше Величество, весь парламент Англии – ничто у ее ног.

В 1787 я взял в жены молодую вдову Френсис Нисбет и усыновил ее сына. В Фанни я влюбился сразу. «Именно такой должна быть жена офицера морского флота его Величества, – говорил я себе. – Преданной, любящей, разделившей бы с мужем любые превратности судьбы, которых у меня затем было вдосталь, хулу и почет, бедность и бриллианты». Вы же тяжело заболели в те годы, но вскоре, хвала Всевышнему, излечились во славу Господу и Короне. Это были счастливые годы, Ваше Величество.

1793. Я – капитан линейного корабля. Франция решила бросить вызов нашему океанскому могуществу. В 1794 я получил первое серьезное ранение правого глаза при осаде крепости Кальве, а в 1795 мною пленен французский военный корабль, превосходивший по количеству пушек мой много-

кратно. Но на море воюют не пушки и не корабли, воюют моряки, их выучка, бесстрашие, преданность Короне и Королю. В той битве мы оказались сильнее. Вы, Ваше Величество, в 1795 дали отцовское благословление на брак Вашего сына Принца Уэльского Георга (впоследствии король Георг IV) на Каролине Брауншвейгской, дочери правителя немецкого княжества. Победа моих моряков над лягушатниками – был наш скромный подарок к этой свадьбе.

Битва при Абукире в 1798. Разве я могу забыть этот год? Сто раз я разминулся с Наполеоновской эскадрой в темноте. Я проклинал себя, мы носились по морям как стая голодных акул в поисках французского флота. Газеты Англии смеялись надо мной, что я полуслепой капитан, и вина всему мой раненый глаз. Но мы настигли их в гавани и взяли в клещи. Еще никто не атаковал так до нас. Мы вели по французским кораблям перекрестный огонь с двух сторон, атаковав их со стороны моря и суши, таким образом, каждый французский корабль был обстрелян с двух сторон. Французы, должен доложить я Вам, дрались как черти. Один из капитанов французского корабля остался без рук и ног в результате многочисленных ранений пушечными ядрами. Но приказал ремнями прикрутить себя к такелажу и командовал кораблем, пока не испустил дух. Но так, как я, еще никто не воевал на флоте, и французы приготовили к бою только один борт. На второй день битвы мы взорвали французский флагман «Ориент» и выиграли сражение, 5000 французских моряков

и 1000 английских нашли себе вечный приют в тех водах. Мне же, сыну простого сельского священника, Вы, Ваше Величество, даровали титул барона.

Вскоре меня тяжело ранили при высадке на сушу, и мой приемный сын доставил меня на шлюпке к ближайшему кораблю, но я не рискнул подняться туда, так как на этом корабле вместе с капитаном была его супруга. Я не хотел пугать ее видом открытого перелома руки и просил сына грести к моему кораблю. Там я, сам ухватившись здоровой рукой за канат, вскарабкался на борт, чтобы не задерживать сына, рвущегося в бой.

Врач ампутировал мне руку, но взамен Всевышний послал мне Эмму, Эмму Гамильтон. Я познакомился с ней, находясь на лечении после утраты руки. Она была замужем, и я, Ваше Величество, также был женат. Я знаю, наша страсть не делает нам чести. Но жизнь моряка, неважно, матроса или адмирала, длится всего лишь от боя до боя, где вражеское ядро не разбирает эполет. Я не мог потерять этот шанс, шанс быть в раю еще при жизни. Я воевал за Короля и Корону, но где будет мое место на том свете? Зачтет ли мне Господь мои победы или казни, что я устраивал для устрашения отступников, что больше перетянет чашу весов, погубленные моряки или слава его Величества Королевского флота? Я не стал рисковать, и те, кому довелось видеть Эмму, поймут меня. Ведь и наш Господь, и Вы, Ваше Величество, тоже мужчины!

Дочь кузнеца Эмма начала свою взрослую жизнь, работая богиней любви у одного шарлатана. Затем она была содержанкой молодых аристократов, но удача улыбнулась ей, и сэр Уильям Гамильтон, посол Британии в Неаполитанском королевстве, взял ее в жены. Он был стар и богат, она молода, красива, и бедна, как церковная крыса. Извините, Ваше Величество, так говорят все моряки. Ее красота сводила с ума самого Гете, а представления живых картин, где она часто была наполовину обнажена, запечатлели на своих портретах все наши выдающиеся художники. С ней была дружна королева, супруга Фердинанда IV – Неаполитанского короля, но в Соединенном Королевстве она не пришлась ко двору.

Не смею упрекать Вас, но даже Вы, Ваше Величество, строго указали мне, чтобы я не смел появляться с ней на приемах. Я не виню Вас, Вы Король, помазанник божий. Просто Вы не знали ее, как знал ее я. Я, обрубок от человека, с раненым глазом и без правой руки, переболевший десятком тропических лихорадок и бог еще знает чем. В ее руках я находил покой, а когда она целовала меня, я мог забыть себя как младенец, прижимаясь к ее груди. Эмму добивались сотни, тысячи мужчин. Она умна, красива, безумно красива, артистична и обаятельна, и выбрав меня, сделала мою жизнь невероятно счастливой, сколько бы мне ни осталось на этой земле. Это казалось невероятным, все равно как Эсмеральда, влюбившаяся в Квазимодо («Собор Парижской Богоматери», Виктор Гюго), но это произошло.

Я недолго побыл на суше вместе с моей Эммой. Она родила мне дочь (сына и дочь, но сын практически сразу умер), адмиралтейство срезало же мое жалованье до половины, так как я был на суше. Мы кое-что продали, и в целом на жизнь нам хватало.

Но Наполеон жаждал войны, и Франция усиленно наращивала свой флот. Победа над Великобританией на море и Россией на суше – вот была основная задача Французской Республики. С 1803 года мы снова вступили в открытый конфликт, а в 1804 еще и Испания стала на бок Франции. Наполеон хотел высадить десант на английский берег, перебросив через Ламанш 160 тысяч солдат на 2300 баржах, но наши линейные корабли не давали ему такой возможности.

Приближалась самая главная битва – весь наш флот против объединенного флота Франции и Испании. Ее исход решал для Великобритании все, и наше поражение означало бы потерю южной части Англии. Адмиралтейство поручило этот бой мне, и я поднял свой флаг на 104-пушечном линейном корабле «Виктория». Я придумал то, что ранее не делал до меня ни один адмирал. Я подкараулил испанцев и французов у мыса Трафальгар и не стал выстраиваться вдоль них в одну сплошную линию, а под углом 90 градусов двумя колоннами разбил их строй.

Пока я шел наперерез, мой флот не мог стрелять по кораблям объединенного флота, и для укрепления духа моряков я стоял на мостике в парадном мундире, украшенном

четырьмя орденами звездами. Наверно, я был прекрасной мишенью, но моряки должны были видеть меня и не бояться сделать то, что посчитало бы глупостью любое наставление по морскому бою. «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг», – велел поднять я флаги сигнальщикам на своем корабле. Все капитаны знали план сражения, и других команд мне отдавать было не нужно. Трафальгарская битва началась.

Затем меня ранили, но исход битвы был предрешен. Меня унесли умирать в каюту, и я вряд ли доживу до мига виктории и услышу победный клич, но умирая, я понимаю, что выполнил свой долг. Я трачу свои последние минуты жизни и диктую это письмо. Не зная, какой вздох будет последним, я тороплюсь и сбиваюсь.

Ваше Величество! Я никогда и ничего не просил. Все, чем меня награждали, – это делали монархи по своей воле. Но сейчас я униженно прошу Вас. Я передал через капитана Харди для леди Гамильтон прядь своих волос и все свои вещи. Я не нашёл состояния, верная служба оставляет раны на теле, а не деньги в кошельке. Наверно, после смерти меня похоронят в Соборе Святого Павла и дадут звание адмирала. Может, перепадет что-то еще. Много чести для сына сельского священника, Ваше Величество. Умирая, я готов продать ее всю.

Я не прошу подачки – купите ее, Ваше Величество. Назначьте свою цену. Купите мои победы, мои ордена, мои ре-

галии. Мне нечего оставить моей Эмме и дочери. Трафальгурская победа, скорее всего, спасет Королевство от войск Наполеона. Это же стоит что-то в звонких монетах?

С уважением, Ваш преданный и покорный слуга, моряк Королевского флота, пока бьется сердце, Горацио Нельсон.

Завещание Адмирала Горацио Нельсона не было выполнено ни на йоту. Эмма Гамильтон и ее дочь Горация Нельсон жили в бедности в маленькой деревушке во Франции, в стране, с которой всю жизнь воевал адмирал. Так было дешевле. Вскоре Эмма умерла от дизентерии. Она завещала похоронить себя рядом с Нельсоном, но была похоронена в безымянной могиле где-то под Кале. Горация, дочь адмирала, впоследствии вышла замуж за бедного деревенского священника.

И если Вам придется побывать в Лондоне, обязательно зайдите с экскурсией в Букингемский Дворец – резиденцию королевского двора. Восхититесь ее роскошью и убранством. Посетите в центре Вестминстера Трафальгурскую площадь, где стоит колонна, посвященная адмиралу. А затем плюньте на все это... И, заказав бокал желтого рома, выпейте его до дна, за Англию, за милость королей и королев, за всех наших власть имущих – президентов, министров и депутатов. Это стоит того.

Вымышленная история

Кто к торгу страстному приступит?

Свою любовь я продаю;

Скажите: кто меж вами купит

Ценою жизни ночь мою?

А. С. Пушкин. Клеопатра

У меня на приеме – убитый горем отец. Его старший сын, который рос статным, умным и добрым мальчиком на зависть всем, перестал быть таковым к своим 30 годам. Началось все с того, что в 25 лет он взял из семейного бизнеса чужие деньги и проиграл их в игральные автоматы. Отец, у которого, кстати, двое сыновей, продал тогда два из трех своих домов, что построил тяжелым трудом, сколачивая капитал день ото дня, копейка к копейке. Он мечтал, что три стоящих рядом дома позволят разрастись его семье, и к старости он будет окружен вниманием детей и гомоном внуков. Но не так случилось, как думалось, – старший сын, его гордость и оплот, пустил с молотка все надежды и труды, продал их за бесценок в базарный день.

Затем все вроде бы наладилось. Старший женился и уехал жить к супруге в ее квартиру. Почему-то после свадьбы и веселья он перестал общаться с отцом и матерью, но те все равно были рады за него, получая скудные звонки раз или два в год. И вот теперь – новое уголовное дело, очередное

мошенничество со стороны старшего сына, который опять обманом завладел деньгами людей и проиграл их в казино. Супруга сына подала на развод. Нужно срочно гасить нанесенный людям ущерб, иначе сына ждет тюрьма. А продавать больше нечего, ведь остался только последний дом, где живут отец, мать и младший сын...

Собственно, могу ли я чем-то помочь? Я сказал, что здесь больше вопрос к врачам, чем ко мне, так как мне кажется, что старший сын болен, как все зависимые люди. Что же касается сложившейся ситуации, то я не рекомендую продавать последний дом, перебираясь на съемное жилье, а думаю, что пришла пора старшему сыну найти нормальную работу и потихоньку отдавать украденное или сесть в тюрьму. На том мы и расстались. А через месяц я случайно узнаю, что родители продали свое последнее жилье и погасили потерпевшим весь убыток.

У меня на приеме – убитый горем отец. Его сыновья отвернулись от него с матерью. Еще в советские времена их семья была образцовой и ладной. Он – главный инженер завода, она – детский врач, двое детей-погодков. И вот теперь, к старости, дети живут так, будто ничего раньше не было. Будто не возили их родители отдыхать на Черное море, мать не сидела над кроватями детей ночами, помогая им пережить детские болезни... Все! Откололись, как два айсберга, и живут сами по себе. Да и ладно, были бы счастливы.

Но вот мать тяжело болеет, нужны хоть какие-то день-

ги на лекарства, а взять неоткуда, продать нечего. Смотреть на мучения жены человек больше не в силах. Пробовал обратиться к детям, но те не торопятся помочь. Как же так? Ведь вот старые фото – жили дружно, детей очень любили, недоедали порой, но детям – самое лучшее. Что же теперь? Или в петлю, или в суд на детей... Стыдно... Нет, ничего не надо, извините. Ушел...

Я встречаюсь с детьми по своей инициативе. Первый: «Да самим сейчас непросто! И родители говорят не всю правду. Вот я хотел стать космонавтом, а они настояли, чтобы я поступал в инженерное, шел по стопам отца. Украли у меня будущее». Второй: «Отец, наверное, не помнит, как бил меня ремнем за украденное печенье, а я его не воровал. И вообще, Вы бы лучше подали иск к государству, которое не обеспечивает стариков. И медицина у нас бесплатная, и на больницу подайте в суд». Занавес.

У меня на приеме – убитая горем женщина. История, наверное, банальная, как и предыдущие. Бывшая жена с уже взрослой дочерью-студенткой. «Была любима, муж в дочери души не чаял, даже чрезмерно баловал». А теперь вот – периодически присланные копейки и выговоры типа: «Когда ты и твоя взрослая дура-дочь найдете себе работу? Хватит висеть у меня на шее и тянуть жилы!» Или, например, такое: «Моя супруга (имеется в виду новая молодая жена) была вместе со мной у вас в гостях крайний раз и обратила внимание, что у тебя новые домашние тапочки. Когда у человека

нет денег, новые тапочки не покупают». Вот такое униженное положение. А ведь в молодости она ради него и семьи отказалась от карьеры и работы. Было же высшее образование, звали туда и туда. А что сейчас? Мыть полы? Подавать на раздел имущества? Но супруг угрожает, что лишит в этом случае последних крох, а денег на суды и адвокатов у него в сто раз больше, так что «правда» на его стороне. Судиться страшно, и так жить не вмоготу. Что посоветуете?

У меня на приеме – убитые горем отец, мать, бывшая жена с по сути брошенными детьми. Каждый день. Кажется, нет этому потоку конца и края. И возникает вопрос: а стоит ли вообще любить кого-то? Или точнее, любить бездумно, на всю катушку? Может, гораздо правильнее любить, но помнить и о себе? Скажем, не нужно морить голодом ребенка, но если стоит вопрос, купить ему новую фирменную одежду или поехать отдохнуть на море, может, правильно выбрать море? Чтобы сохранить подольше здоровье, не остаться потом больными и брошенными стариками. Может, супруге в браке стоит больше думать о брачном контракте, чем о своем любимом, стирая пот с его головы, когда он бредит ночами, тяжело болея гриппом? Чтобы потом не идти в прислуги в чужой дом, когда благоверному захочется кого помоложе, не перешивать дочке одежду из ранее купленных платьев? Не знаю.

Но я, кажется, понял, чем мы рассчитываемся за любовь. Мы покупаем ее ценой своей жизни. Вероятно, по-другому

она не покупается. Вот мы стоим перед прилавком, на котором висят ценники, и выбираем мучительно и придирчиво. Двое любимых деток – минус десять лет жизни и цирроз печени. Любимый муж или жена – еще десять лет долой плюс инфаркт. И самое обидное, что другой валюты тут не принимают.

Первый, кто научится покупать любовь не ценою жизни, а за доллары или биткоины, воистину повернет ход истории. Однако продавец не расскажет вам всей правды о товаре, не обратит внимание на написанное в договоре мелким шрифтом. Вы покупаете не любовь, точнее, не взаимную любовь – вы покупаете право любить самим. Будете ли вы любимы взаимно, и как долго продлится такая взаимность, – вопрос из вопросов. Мы стареем, болеем, беднеем, и этого подчас оказывается достаточно, чтобы нас перестали любить. А товар гарантии, обмену и возврату не подлежит. Да и магазин, продавший этот товар, уже закрыл двери, и мы идем к священникам, психологам, психиатрам и адвокатам. А те пыжятся что-то сделать, оправдывая громкие таблички на дверях.

Я, кстати, таки понял, чем отличаются собаки от людей. Явно не хвостом и лапами, это я знал и ранее. Собаки покупают право любить своей недолгой собачьей жизнью и никогда не жалуются на покупку. Они будут любить всегда, независимо от того, прекрасный вы человек или последняя сволочь. Мы, люди, так не можем, и в этом наше коренное от-

личие. Мы можем любить, исключительно рассчитывая или хотя бы надеясь на некую взаимность, благодарность за сделанное и отданное. И это, наверное, нормально и естественно для человека. Но Создатель сотворил свои правила, свой договор, и где-то мелким шрифтом в нем написано: «Примечание. Вы покупаете не любовь, а право любить».

Конечно, можно не жениться, не заводить детей, не дружить. Прожить жизнь легко и просто, никогда не пожалев об этом. Ничего не покупая и не ожидая ничего взамен. Станет ли человек счастливее от того, что никто не обманул его ожидания?

И вот ты сознательно идешь по жизни, понимая, что окружен вниманием и заботой, покуда молод, здоров и богат, и не забывая откладывать денежку на черный день болезней и лишений. Можно заводить детей, не вкладывая в них душу и не отдавая последнее. Пусть растут, а там как уж будет. Вырастут хорошими и благодарными – отлично, а нет – так нет, не сильно, мол, на это и рассчитывал. Каждую покупку в браке можно сопровождать мыслью: «А кому что достанется в случае развода? Как и чем потом будет обеспечена возможность отстоять свое?»

Есть много религий и философских течений. Скажем, очень уважаемый мной буддизм учит, что любовь – это и есть право любить, не ожидая ничего взамен. Ожидание чего бы то ни было взамен, есть уже не любовь, а привязанность, что, как известно, пагубно, разрушает душу и тело, как любая

привязанность или зависимость. В буддизме майтри предполагает безграничную, радостную и бесстрашную любовь ко всем существам. Сначала она обращена на близких нам, а затем, по мере собственного развития, на все сущее, включая врагов. Будете ли вы ожидать взаимности от врагов? Выбор за нами.

И чуть не забыл сказать главное! Неважно, какой выбор сделать. Мы ведь каждый день стоим на перекрестке семи дорог, делая шаг вперед и выбирая что-то для себя. Какой выбор, какой шаг вы сделаете, в какую сторону качнется чаша весов – неважно, пусть вам повезет. Ведь главное – никогда не жалеть о сделанном выборе. Именно жалость разбивает сердце и калечит душу, а «*Venti ejus secundi sunt*» – счастье благоприятствует ему (латынь). Вот научиться бы только не жалеть о сделанном, и стой у прилавка спокойно, выбирай!..

Глупая шутка

*Пошутил неудачно себе на беду,
Вмиг утратив порядочный имидж.
Вот сижу и скучаю, и даже не жду,
Что в прихожей пальтишко ты снимешь...*

Сергей Марусенко

Как я чуть было не испортил себе жизнь? Это было нетрудно. Я сглупил. Захотелось какого-то разнообразия. Не знаю, кто первый начал говорить об успехе в нашей компании друзей (мы семьями собираемся уже лет пятнадцать), а я возьми и скажи: «Друзья, не поверите, но мне повезло! Послал я, стало быть, свою анкету в головной офис нашей компании в США еще полгода назад, и вот вчера пришел ответ. Меня и всю мою семью приглашают на работу в Штаты. Дом сразу в Майами дают, машину приличную, ну, и зарплата – 50 тысяч зеленых в месяц, в целом средняя по их меркам. За полгода я должен свернуть все дела и перебраться. Так что, друзья мои, вас всех мне будет скоро сильно не хватать». И настолько серьезным, спокойным, деловым тоном я это произнес, что никто даже не усомнился. Мастерски получилось.

Налетели друзья гурьбой, поздравляют, тост за тостом за меня пьют. «Какое там „повезло“? – говорят. – Молодец ты просто! Специалист классный, вот и оценили по досто-

инству».

Ну, через некоторое время мы по интересам разобрались: мужики, значит, в одной стороне, а девки – в другой. О чем там девки шептались, не знаю, а мы с мужиками серьезный разговор (после выпитого) ведем. Какую машину стоит от фирмы в США требовать, и что еще фирма мне должна, раз такой классный специалист к ним почти задаром идет. Больше всех злился Петрович, исходил слюной не на шутку. Он грамотно объяснил свою позицию: что такого специалиста, как я, в Америке днем с огнем не сыщешь, и меньше, чем за 100 тысяч в месяц, соглашаться, как минимум, глупо. Да и потом, дескать, позорим себя, свой народ, цены себе не знаем. Вот уезжает девушка туда, королева красоты. Могла бы добиться всего – Голливуд, миллиардеры, бриллианты, а становится дешевой шлюхой и заканчивает на помойке!

Чего не скажешь в запале разговора! Я вроде бы собирался сказать, что пошутил, что, мол, шутка это все, и письма я никуда не писал, но после такого меня как что-то толкнуло изнутри. «Ты что ж, Петрович, – говорю, – меня со шлюхой сравниваешь? Да и штаб-квартире в США тоже какая-то выгода должна быть, если меня и мою семью к себе перетаскивать, гражданства мне добиваться. И ведь это только старт, начальные условия. Дальше, лет через десять, я о-го-го как вырасти могу!» Петрович молча выслушал и, махнув еще рюмку, сказал что-то о Родине и о тех, кто ею торгует. Затем забрал свою супругу Лиду и молча вышел в коридор,

не попрощавшись. Хлопнула дверь.

Я расстроился, а мужики стали меня утешать насчет Петровича: дескать, не бери близко к сердцу – выпил человек, и на патриотизм его пробило. Но вечер Петрович нам подпортил, и разговор затих сам собой. Я забрал свою благоверную и, попрощавшись, вышел к машине.

Любимая сидела в машине, надувшись, всем видом демонстрируя свой гнев. Я, не выпуская руль, попробовал аккуратно поцеловать ее, но получил решительный отпор и мудрый совет о поведении водителя за рулем. А еще слезы и рассказ о том, как чувствует себя жена, узнавшая грандиозную новость не первой, а как-то случайно, на пьянке у друзей. И я тут, конечно, неправ во всем: и что не сказал и не посоветовался, когда писал письмо, не сказал, когда пришел ответ, и что если она надоела, то не хочет быть якорем на шее, а я, дескать, в Майами могу ехать сам, без меня как-то проживут.

Я сначала порывался сказать правду: что все шутка, розыгрыш, что не нужен я никому в США, никто никакого дома нам там не дает, но услышав о себе много нелестного, надулся в ответ. Вместо романтической ночи мы разлеглись по разным углам кровати и уснули в грустях. Моя шутка переставала нравиться мне самому.

С утра я ехал на работу без всякого настроения и с грустными думами. Мысли перескакивали то на Петровича, то на жену, я спорил с обоими и обижался на них все больше

и больше. В офис я зашел вообще в гробовой тишине. Наверное, если бы все узнали, что именно я продал Землю марсианам, реакция была бы менее враждебной. Меня избегали, демонстративно не здоровались. Мой шеф превзошел даже мою жену, вызвав меня к себе в кабинет на диалог. С порога он сообщил мне:

1) приличные люди согласовывают с руководством любое общение с головным офисом, 2) о своем желании поменять место работы нужно сообщать заранее (а полгода до моего якобы отъезда – это не заранее?!), 3) лучше меня в фирме работает миллион специалистов, но они все скромнее и порядочнее (у нас всего работает пятнадцать человек, а по моей специальности – я и мой шеф :)), 4) незаменимых людей нет, есть вовремя не замененные.

Сообщать ему после столь «горячего» приема о розыгрыше мне расхотелось, и я молча написал заявление по собственному. Выходил из офиса в гробовом молчании. Молчал даже наш пожилой сторож Василий, коего я не раз подбадривал вкусным сэндвичем и денежкой до получки (то есть навечно). Выйдя на улицу, я ожидал увидеть бурю, гром и молнии, но солнце светило вовсю – мой апокалипсис обошел мир стороной. «Ну и славненько!» – подумал я и поехал домой, предварительно зарулив на рынок.

Я купил шампанское и ананас и был решительно настроен на исправление отношений с супругой. Душа рвалась к романтике, а тело – к любовным утехам. Но сказки не случи-

лось и в этом вопросе тоже. По фильмам и рассказам друзей, жены прощают пропитую получку, измены и детей на стороне, предварительно закатив, конечно, грандиозный скандал. Но каково же было мое удивление, когда с порога я увидел распахнутые двери шкафов и записку на трюмо. Как я потом выяснил, все женины подруги начали ей звонить с самого утра, все больше убеждая ее, что у меня кто-то есть, и я нарочно публично оскорбил ее, сказав об отъезде не ей первой, а при всех. Более того, они догадываются, с кем я изменяю, но расскажут ей только при встрече. Ее жалели, жалость была нестерпима, поэтому квартиру я застал пустой.

Я набрал было пару друзей, с кем вчера осуждал Петровича, но кто-то не брал трубку, а кто-то был очень занят и обещал перезвонить. Шампанское выпил сам, добротню закусив его ананасом. Попробовал уснуть, но сон не шел, и решительно хотелось найти веревку и мыло. «Сам дурак, и шутки дурацкие!» – думал я с горечью. Провел вечер и ночь в квартире один, ни звонка.

Утром, как побитая собака, я поплелся на работу. Недоумение на лицах сотрудников было таким, что проступало, казалось, буквами. Шеф принял. Похоже, также чисто из любопытства, чтобы потом не мучиться вопросом, с чем я приходил.

«Я мудака», – начал я с порога. Начало, видимо, его заинтересовало. Дальше я, не останавливаясь, рассказал о своем глупом розыгрыше и горько поплакался за свой неумест-

ный юмор. Шеф ржал от души, заливаясь и хохоча так, будто тысяча чертей щекотала ему пятки. Особенно он смеялся над Петровичем, принявшим мой успех так близко к сердцу и переживавшим за судьбы наших красавиц в Штатах. Затем он достал бутылку виски, и мы напились с ним до поросычьего визга.

Пьяного вдрызг меня из офиса забирала уже благоверная, уж не знаю как прослышавшая о моем рассказе и простившая меня, как Папа Иоанн Павел II простил Мехмета Али Агджи (своего несостоявшегося убийцу). Наутро меня ждали ананас и шампанское, а также утро любви, какой не было у нас со времен медового месяца. Шеф сам позвонил мне и, вдоволь насмеявшись над Петровичем и его неприятием моего мнимого успеха, милостиво подарил мне неделю отпуска для налаживания супружеских отношений. Мое заявление по собственному он порвал еще вчера, после первой распитой бутылки виски.

Вскоре позвонили друзья и, коротко извинившись за вчерашнюю занятость, объяснявшуюся, естественно, очень важными делами, тоже смеялись над Петровичем. Мне наговорили столько комплиментов, будто у меня день рождения, причем столетний юбилей. Меня хвалили наперебой, говорили, что стоило таки написать письмо в США, что такого специалиста, как я, оторвут с руками и ногами, что я прекрасный друг и человек.

Вечером, даже как-то без приглашения, пришли все дру-

зья и Петрович. Он двинул речь за меня – за человека, выбравшего Родину вместо иллюзорных огней Запада. Все кричали «Ура!» и были счастливы.

Как я живу теперь? Прекрасно, скажу я вам. Живу в целом так же, как и до шутки, только ценю все гораздо больше. И друзей, и жену, и даже шефа-зануду, приклеившего мне после этих событий прозвище «Джек Восьмеркин – американец» (фильм Евгения Татарского по одноименной повести Николая Смирнова). Конечно, иногда меня тянет налево. В смысле, я так и не могу понять причину, вызвавшую такую обстоятельную обструкцию.

Рассуждая сам с собой, я не могу сложить все кубики в единый пазл. Почему мы спокойно, как само собой разумеющееся, принимаем новость о незнакомом олигархе, ставшем богаче на миллиард? Не то что мы за него рады, но в целом он не вызывает у нас раздражения. По крайней мере, такого сильного и устойчивого. А что мои мифические 50 тысяч в месяц по сравнению с его миллиардом? Ответ в голову не лезет, как ни крути ею во все стороны. Однако в итоге я рад повторившемуся медовому месяцу, свежим отношениям с любимой и друзьями. Шеф повысил мне немножко зарплату, и я, естественно, искренне поблагодарив его, благоразумно промолчал об этом. Зачем сердить коллег и друзей? Мне ведь так тяжело без них, в квартире с пустыми шкапами и наглухо молчащим телефоном, одному с шампанским и ананасом!

Да, чуть не забыл главное. Я таки написал письмо в нашу штаб-квартиру в США и предложил свои услуги. Если придет отказ, молча сожгу его и продолжу жить своей счастливой жизнью. А если фирма заберет – уеду ко всем чертям. Заполняя анкету для фирмы, в графе «Семейное положение» я поставил single (холост). Подумав, в скобочках дописал по-русски фразу из анекдота: «В баню больше не хожу, и друзей у меня нет».

Когда цветет папоротник

*Волишебной ночью нескончаемы обряды,
они утонут в утренней росе.*

*Счастливицам дано увидеть клады
в их первозданной, неживой красе*

Александр Абалаков

«Доброе утро! Просыпайся! Пора вставать, сынок», – так мама будила Мишу в школу. Вставать, конечно же, не хотелось, но Миша был мужчиной (так, по крайней мере, говорил ему отец) и сыном советского офицера, о чем Миша знал и без папиных слов. А что такое быть сыном офицера, Миша понял, слоняясь с родителями из одного военного городка в другой, поменяв за свою десятилетнюю жизнь пятнадцать мест службы отца. Они мотались по бескрайнему СССР, как маленький детский кораблик с игрушечным парусом, вдруг попавший в настоящий бушующий океан.

Миша долгое время даже не подозревал о существовании жизни, когда квартира не съемная, а своя, на всю жизнь, и велосипед не берется напрокат, а его покупают новенький в магазине, и он служит денно и ночью только тебе. Но Мишины родители не могли позволить себе обжиться скарбом, так как постоянные переезды уничтожали этот скарб в труху, а брали все по максимуму напрокат, откладывая все свои накопления на сберегательную книжку.

Военным в советское время обещали квартиру в одном из крупных городов СССР после выхода на пенсию, и Миша не раз слышал, как родители обсуждали свою счастливую жизнь, когда папа еще молодой, в 45 лет уйдет в запас, и они поселятся в Киеве, о котором мама мечтала больше всего, а на накопленные деньги купят «москвич» и загородный участок.

Но пока надо было бежать в школу, а день сегодня был особенный, ведь Мишин класс принимали в пионеры. Происходило это очень торжественно, и Миша сиял, как начищенный медный тазик. В школу его отводила мама, так как папа все равно не смог бы – он поднимался на службу еще без пятнадцати шесть. А мама устроилась в эту школу работать учительницей биологии, так что ей было по дороге, и даже если у нее не было первого урока, она спешила с Мишенькой в школу, крепко держа его за руку.

Мама Миши, как и все мамы, не чаяла души в своем сыночке и с тревогой думала о том времени, когда он захочет ходить в школу сам, не говоря уже о том, что когда-то он вырастет и женится. Маму звали Надежда, и именно за это имя папа женился на ней. Так, по крайней мере, папа иногда шептал ей на ушко, но Миша слышал папин шепот и очень удивлялся этому. Как можно жениться за имя?

Надежда училась на педагога, когда повстречала своего избранника. Курсант одного из бесчисленных военных училищ сразу влюбился в нее по уши, и перед его выпуском они

расписались, так как распределение Надежды по окончании института нужно было увязать с местом службы молодого супруга. «Педагог и офицер – лучший брак в СССР», – сказали им в ЗАГСе, и расписали вне очереди. Надежда выглядела, как большая растерянная девочка, а ее голубые глаза, казалось, заполняли все ее лицо. «Горько!» – крикнули им немногочисленные друзья на срочно собранной в офицерском общежитии свадьбе.

Когда Надежда появилась на пороге роддома, главврач с испугом первым делом потребовал паспорт и долго не мог поверить, что будущей роженице уже 23. Казалось, молодой офицер привел в больницу в лучшем случае беременную старшеклассницу – так по-детски выглядела Мишина мама с ее огромными голубыми глазами. Она и сейчас отлично смотрелась в своем крепдешиновом платье с Мишей за ручку, и казалось, что старшая сестра отводит в школу брата.

На торжественной линейке пионерский галстук Мише завязывала ученица 9-Б класса, спортсменка, комсомолка и просто красавца, как говорил товарищ Саахов из Мишиного любимого фильма «Новые приключения Шурика». Звали эту красавицу Наденькой, то есть Надеждой. Она повязала галстук и строго попросила носить его с честью и гордостью. Миша преданно посмотрел ей в глаза и вместо «Всегда готов!» или чего-то не менее подходящего сказал ей фразу, которой папа делал предложение маме: «Ты поедешь со мной на Север, если Родина прикажет?» Наденька рассмеялась

и убежала к своим старшекласникам, а Миша навсегда запомнил этот день, когда он стал пионером и по-настоящему полюбил девочку за ее огромные глаза, а еще за имя, из-за которого стоит жениться.

Стать офицером Мише не случилось. По многим причинам: распался Союз, все накопления родителей на сберкнижке «сгорели», и вместо большого города они поселились в небольшом пгт под Киевом у папиных родителей. Да и военных училищ практически не осталось – большую часть их закрыли в связи с новой мирной политикой независимой Украины. Не то чтобы Миша особенно рвался в военные – ему как раз не очень нравились солдафонщина и казармы, хотя некая романтика в этом все же была, привитая советскими кино и литературой. Однако папа, будучи обманутым своим государством, как он считал, настоял на поступлении Миши в университет на биологический факультет. Так Миша получил возможность учиться в Киеве, где мечтали жить его родители, и на специальность, кою благодаря маме знал лучше всего.

К третьему курсу Миша был похож на всех студентов биологического – в очках, потрепанном костюме и с очень интеллигентным выражением лица. Большая часть студентов его группы были девчонками, и при желании он мог жить, катаясь как сыр в масле, прямо в женской общаге, на зависть физмату и кибернетике, где в основном учились ребята. Но не пренебрегая женским обществом, Миша ловеласом

не слыл, и честно зубрил биологию, отводя на это занятие львиную долю свободного времени.

Пионерские лагеря с развалом СССР распались не сразу, и Мишу со всеми другими студентами на месяц отправили на стажировку в качестве пионервожатого. Это был рай для студента – целый летний месяц можно провести на природе, плюс кормят на шару, да еще и деньги платят. Миша быстро нашел общий язык со своими пионерами, и каждое утро они с песней ломились на завтрак, успевая раньше всех остальных групп. Жизнь улыбалась Мише, а в такие минуты кажется, что так хорошо будет всегда. Стоит только не делать никаких глупостей, и это состояние блаженства не отпустит тебя, как мама не выпускала Мишину руку по дороге в школу.

Сегодняшнее утро началось с торжественной линейки, на которую должны были приехать спонсоры. Слово незнакомое, но очень красивое и притягательное. Мишин отряд, как лучший в лагере, получил право поднимать флаг и приветствовать спонсоров от имени и по поручению. Миша с утра мотался как ужаленный, подгоняя нехстати разволнованных детей, повторяя с ними речи, стихи и порядок действий.

В торжественную минуту все прошло гладко, хотя чуть было не стратил сам Миша, когда должен был вручать хлеб-соль приехавшим гостям. Из дорогущей иномарки ему навстречу с незнакомым мужчиной с солидным брюшком вышла его Наденька. Та самая, из 9-Б, на которой он еще в де-

сять лет обещал жениться. И обалдев от увиденного, он вручил хлеб с солью ей, а не ее спутнику, как предписывал протокол. Она рассмеялась и передала хлеб по назначению. Больше казусов не было.

Под вечер в лагере был намечен праздник, а так как на календаре четким полиграфным шрифтом значилось 6 июля, в лагере готовились отмечать что-то среднее между советским праздником лета и Ивана Купала, пришедшем к нам еще с языческих времен. Дети сидели у костра и пели песни, а кое-кто из сорванцов даже успел пожарить картошку в углях. К обозначенному времени все отряды были разведены по спальням, и оставив со спящими дежурных вожатых, кои несчастливцы выбирались слепым жребием, вся остальная молодая взрослая часть лагеря снова собиралась у костра, разжигая его до небес. В эту ночь позволялось немного пошалить, выпить вина, и самым смелым – попрыгать через огонь, изгоняя злых духов.

Спонсор, посидев у костра первые 15 минут и торжественно выпив рюмку водки, вместе с руководством лагеря удалился, и веселье вспыхнуло, как сухой хворост от искры. Прыгать через костер в одежде – дело опасное, как считала мужская половина вожатых после выпитой первой части припасенного красного, и джентльмены, отвечающие за здоровье охраняемых ими дам, дружно настаивали на купальных костюмах. Девчонки немного пошушукались, обдумывая предложение, и к общей радости джентльменов согласи-

лись.

Миша сидел, как не свой, не понимая, что с ним происходит. Он быстро разделся до плавок, но прыгать через костер его не тянуло. Даже вино, так приятно веселящее кровь, не брало его, хоть убей. Школьная любовь (хотя разве можно назвать любовью то мимолетное виденье, кое встретилось ему один раз на линейке с алым галстуком в руках?) спутала ему все карты. Он сидел у костра в грустях и тревоге, сам не зная, что творится у него в душе.

Вдруг две руки, приятные и нежные на ощупь, подкравшись со спины, закрыли ему глаза. Нежный девичий голос, принадлежащий владелице этих рук, прошептал на ухо: «Пойдем, биолог, я покажу тебе, как цветет папоротник». Миша попытался уныло сказать, что папоротник не цветет никогда, а размножается спорами, но руки разжались, и он увидел Наденьку в купальном костюме, освещаемую только отблесками костра. Просить дважды его не пришлось. Взявшись за руки, они убежали в лес, и бежали вместе, не выпуская рук, пока их не стало подводить дыхание.

Наутро Миша впервые чуть не проспал подъем, и его отряд изрядно волновался, бежать ли им на завтрак самим, чтобы, как обычно, прийти первыми, или подождать вожатого. Но Миша появился, и в прекрасном настроении умчался с пионерами на камбуз. Весь день у него прошел в приподнятом настроении, он строил планы, потом отметал их и строил еще более амбициозные. Под вечер он стал настой-

чиво искать свою проводницу в мир цветущего папоротника, но сказка закончилась вместе со вчерашним праздником. Двери «мерседеса», оказывается, хлопнули еще с утра, когда Миша мчался с пионерами за утренним чаем и пирожками, и унесли его Наденьку в неизведанные дали. А вместе с ней унесли и его обещание жениться на ней только из-за имени, как сделал это его отец, и возможность шептать об этом ей на ушко, аккуратно прикасаясь к нему губами.

Развал СССР, как ни странно, стал крушением и всех Мишиных надежд. Он никогда даже подумать не мог, что общественнополитические преобразования так скажутся на его личной жизни. Он не стал офицером, не получил родительскую квартиру в Киеве, так как и они не получили ее, не поехал на «москвиче» по той же причине, и вот теперь Наденька уехала из его жизни навсегда. Он вспомнил вчерашний день, когда казалось, что он увидел улыбку жизни, и горько усмехнулся.

Советский человек умел горько усмехаться, этого не отнять. Не плакать, не впадать в истерику, не напиваться или обкуриваться в хлам, а так, тихонько усмехнуться про себя, переворачивая носком ботинка опавший лист, как часть безвозвратно ушедшей жизни, и с горькой усмешкой снова встать навстречу утренней заре. Миша был не только советским человеком, но и сыном офицера, а это что-то да значило.

Уходила старая жизнь, и в прошлом советских людей при-

нимала в свои объятия новая. Потихоньку стал просачиваться мир денег, меняя развитой социализм на дикий капитализм во всей его красе. Красивые девчонки постепенно исчезли с улиц, пересев на «порши», BMW и «мерседесы» своих воздыхателей, преподаватели вузов, коим стал Миша после выпуска, перестали считаться элитой общества и стали зарабатывать на жизнь, получая мзду от студентов за хорошие оценки на экзаменах. Мир менялся прямо на глазах, и остановить его движение было непосильно даже Гераклу.

И сын офицера Миша не стал стоять в стороне от этих перемен. Наскоро распрощавшись с университетом и преподавательской работой, он сколотил первый кооператив по травле комаров, тараканов и муравьев в жилищах, и стал неплохо зарабатывать, что позволило ему купить себе небольшую квартиру и помогать стареющим родителям. Он женился на прекрасной девушке Миле (так о ней, по крайней мере, говорила Мишина мама), и та родила ему близнецов, мальчика и девочку. И Миша бы счастлив, как тогда в лагере, когда ночью на Ивана Купала жизнь улыбалась ему, раскрывая свои объятия. А ночью он целовал Милу и шептал ей, что женился на ней из-за ее прекрасного имени, на старославянском означающего «милая».

Была, правда, у Миши одна слабость: он очень любил сказки и предания о цветке папоротника. Так, что даже сделал его изображение экслибрисом на все домашние книги. Рассказывая о нем, он всегда делал акцент, что цветет папо-

ротник всего один раз в жизни, и редким счастливым удаётся увидеть его цветение. Тем же, кто увидел этот волшебный цветок, открываются все тайны мира, и клады сами идут таким счастливым в руки. Умникам, кто говорил о спорах, которыми размножаются папоротники, Миша всегда сочувственно пожимал руку, негромко приговаривая про себя: «Значит, не довелось». Но кто из нас без чудачеств?

Облачное королевство

*Я спрашиваю Вас:
зачем звезда небес
Манит нас в этот мир,
где бедам нет числа?*

Юлий Ким

О счастье, что ты? Легкое облачко с нарисованным единорогом на борту? Мираж, порхающий над головой? Но даже легкий ветерок, едва шевелящий листву деревьев, сдует его без следа, и все – нет его, словно и не было никогда. И всматривайся затем в небеса: не оно ли плывет навстречу? Но облака все больше попадаются пустые, пыльные, а то и совсем прибьет бурю вместо счастья, и дождь льет, как из ведра, или метет загулявшая метель. А ведь было, было!

Я помню это ощущение каждой клеточкой своего тела, когда хорошо, не жарко, не холодно, спокойно и счастливо на душе. Но ветер унес мое облако без следа – гулять среди бескрайних небесных просторов. Я помню тебя, мое счастье, твой влюбленный взгляд и статную осанку. Бывало, застыв с открытым ртом, всматриваешься в небо – не оно ли летит навстречу? Не покажется ли из-за туч развивающаяся грива моего единорога, не блеснет ли его горделивый взгляд? А после бредешь по мостовой, погруженный в думы об устройстве мира и вечном непостоянстве.

Облачный единорог родился в апреле, и как все младенцы даже у людей, что смешно топают внизу по старушке-Земле и копят небо бесчисленными трубами, стал праздником для своих родителей, уважаемых членов облачного королевского общества. Мама единорога была фрейлиной при дворе, и королева-мать посетила счастливую семью, лично одарив юного наследника поцелуем.

Отец же нашего младенца слыл знатным повесой, и пропустил час рождения первенца, участвуя в славной королевской охоте, где, превращаясь в злобного хищного облачного тигра, вместе с ветром гудел и злобно рычал, так что даже благородные земные олени прижимали уши и бежали по зеленым лугам, выставив страшные рога на радость молодому королю и его свите. А поздно вечером, узнав благую весть о рождении наследника, он с виноватой главой и хитрой усмешкой предстал перед супругой у колыбельки сына. Не дав ей проронить ни слова, он крепко поцеловал супругу, как и мы, бывало, целуем друг друга после долгой разлуки, встречая родных на выходе из аэропорта и предваряя рассказ, который, казалось, уже собрался сорваться с уст любимых.

«Я принес тебе запах луговых трав. Я весь день гонял по полям, чтобы собрать самый пышный букет ароматов, во-брав в себя все полевые цветы, когда-либо росшие под солнцем», – сказал наш повеса, превращая себя в огромный полевой букет. «Прощен», – ответствовала ему фрейлина ее

величества, и, приподняв из кровати сына, с гордостью показала супругу их первенца.

«Слушайте все ветра, неподвластные никому, моря и океаны, высокие горы, подчас касающиеся своими вершинами свода небес! У нас родился сын! Пусть Солнце, отец наш небесный, и наша мать-Земля выберут ему предназначение, ведь рождаясь, облако не может жить без великой цели», – промолвил отец, принимая первенца из заботливых рук матери.

В отличие от нас, людей, облака искренне верят в какую-то великую цель, стоящую перед каждым вновь родившимся. Не допуская обратного, каждое облако считает крайне важным открыть свое предназначение и следовать ему. «Величие замысла Вселенной откроется всякому, нашедшему свое предназначение», – выложено светом утренней звезды на сводах королевского дворца. Но как достичь цели, раскрыть тайну мироздания, постичь то великое предназначение, ради которого ты появился на свет? Этому не учат в школе и не расскажут многочисленные книжки с кричащими названиями типа «Поиск предназначения: советы для чайников».

«А вдруг я первое облако, родившееся без всякого на то предназначения?», – раз за разом посещала нашего единорога предательская мысль, когда все больше и больше сверстников вокруг проходили обряд «достижения цели», с высоких сводов сообщая миру о своем предназначении и посту-

пая на вечную службу ему. И юное облако металось по небу, соревнуясь с грозными ветрами, всматриваясь в полет птиц и таяние звезд. Но тот счастливый момент, когда краски вокруг вспыхнут, как новогодний фейерверк, украшая небо огнями, и великое таинство появления на свет предстанет перед тобой во всей красе, все не приходило, вселяя грусть и отчаяние.

Облака живут гораздо дольше смертных, но бессмертие не даровано им. Десять человеческих жизней – вот тот срок, что отведен им, не ведающим тяжести земного притяжения. И время, беспощадный погонщик всего живого, гналось за облачным единорогом, больно жаля и кусая его за бока, но счастливый час откровения, выбранный Солнцем и Землей по просьбе отца, все заставлял себя ждать. И королева-мать, поцеловавшая сына фрейлины еще в день его рождения, пригласила не нашедшего свое предназначение в свои покои.

«Знаешь ли ты, сын моей фрейлины, о прекрасный облачный единорог, что и я, родившись на свет, долго не могла определить, кто я и зачем? – сказала она. – Я прикрывала все живое от палящих лучей солнца, орошала дождем пустыни, рисовала влюбленным сердца на небе и пропускала сквозь себя свет звезд, чтобы путники не сбивались с пути. Все это было не мое, хотя я с удовольствием могла служить любой из этих целей. Но в один день я поняла для себя, что забота обо всех облаках на свете, поддержание основ жиз-

ни и порядка – и есть моя цель жизни. Это чувство нельзя забыть или перепутать. Чувство, словно давно попавшая заноза вынута рукой врачевателя, и сотни пут, связывающих твою душу, лопнули в один момент. Такое спокойствие приходит, и свет знания своего пути проливается на тебя небесным дождем. Испытал ли ты это, сын мой?»

«Нет, Ваше Величество, – отвечивал единорог. – Я плыл над морями и парил над землями, я играл с ветрами, управлял бурями и ураганами, находил пропавших и укрывал туманом влюбленных, но ничто из этого не заставило меня отказаться от всего остального. Что не так со мной?»

Королева стояла, направив взгляд на картину на стене своего дворца, где Солнце и Земля пеленали вновь родившееся облако. Картине было столько лет, сколько и самому замку, и мало кто из ныне живущих помнил, кем она была сотворена из небесных красок на королевской стене. Затем королева-мать решительно обняла единорога и подвела его к старому полотну.

«Что ты видишь?» – спросила она. «Я вижу старую картину, где нарисовано появление первого облака. Говорят, эту картину сотворили Солнце и Земля в память об этом чудесном рождении». Королева аккуратно потянула за край полотна, и картина, отстав от стены замка, приоткрыла проход, усыпанный мириадами звезд. «Это дверь, сотворенная Солнцем и Землей. Дверь для тех, кто не смирился с участью, уготованной облаку небесами, кто не готов выбрать се-

бе предназначение, и, вновь и вновь просыпаясь с первыми лучами солнца, снова будет выбирать его для себя».

«А как же цель жизни? Кто эти существа, которые живут, не имея единой цели познать свое предназначение?» – спросил удивленный единорог. «Имя им – люди. Проживая свою непомерно короткую жизнь, они никогда не смиряются с одной конкретной целью, одним конкретным предназначением. Они будут искать себя каждый день, отвечая на вопрос, кто они и зачем приходят в этот мир, и никогда не примирятся с найденным ответом, снова и снова постигая неизведанное, растрачивая себя с десятикратной силой. Шагнешь в эту дверь – и оттуда нет возврата, но по-другому людям не суждено появляться на свет. Каждое новое человеческое дитя, каждая новая жизнь – это облако, прошедшее по звездному пути. Запомни: больше не будет облачного единорога, и где-то на Земле в человеческой семье родится ребенок. Он заплачет, и его жизнь начнется вновь».

«Так значит, люди – самые счастливые существа, живущие короткую, но яркую жизнь? Каждый день, как бушующий океан, обрушиваясь на земную твердь, они отступают, чтобы вновь и вновь подняться на борьбу за поиск своего предназначения. А найдя его, отвергают уже пройденный путь, чтобы опять вступить в борьбу с мирозданием за право обладать его тайнами. Но я много летал над Землей и видел, что далеко не все из живущих на ней счастливы. Глаза их печальны, их океаны давно залегли в полный штиль».

«О счастье, что ты? – ответствовала королева. – Не помня, кто они, от кого произошли, люди придумали себе много теорий, и кое-кто из них даже видит свое сходство с обезьяной. „Труд сделал из обезьяны человека“. Как бы не так! Труд сделал из обезьяны уставшую обезьяну, и не более того. Человек же, появляясь из облака, иногда забывает о небе, которое покорял так легко. Многие люди, конечно, инстинктивно помнят, ради чего пришли на этот свет – искать и не находить ответа. Их взгляд горит мириадами звезд, навсегда оставшихся в глазах прошедших тропой за картиной. Но часть людей сбились с пути и с тоской смотрят в небеса, желая вернуться назад и снова стать облаком, найти свое единое предназначение, а путь назад им уже заказан. Что выберешь ты, мой юный облачный единорог? Закрывать ли мне эту дверь, или ты сделаешь шаг навстречу звездам?»

О счастье, что ты? Легкое облачко с нарисованным единорогом на борту? Мираж, порхающий над головой? Даже легкий ветерок, едва шевелящий листву деревьев, сдует его без следа – и все, нет его, словно не было никогда. И всматривайся затем в небеса: не оно ли плывет навстречу? Где ты, мой облачный единорог? Увижу ли я тебя вновь? Шагнул ли ты вперед и сейчас живешь где-то по соседству, или улетел гулять по бескрайним просторам и, найдя свое предназначение, орошаешь земли дождем или укрываешь путников от палящего солнца? Когда-нибудь я встречу тебя, увижу в небесах или в глазах незнакомца на улице, во взгляде

друга или любимой, верного пса или отражения в зеркале.
Попутного тебе ветра!

Серенада солнечной долины

*Моя любовь, ты знаешь,
Что твои глаза похожи
на яркие сияющие звезды?
Рон Рудье. Лунная серенада*

Мне было двадцать пять, когда я впервые увидел Карен. Прекрасный пол всегда уделял мне много внимания, ведь как ни крути, а я был хорош. Долларовый миллионер, высокий и статный, спортсмен и завсегдатай роскошных вечеринок, я любил вечером посидеть с книжкой у камина, где мой покой могли нарушить только треск огня и мой верный пес Банга, время от времени подбивающий руку своей башкой, требуя ласки и внимания.

Светловолосая норвежка Карен появилась в нашей тусовке как-то ненароком, никто не помнит, кто впервые привел ее. Может, в это трудно поверить, но наша компания жила в целом весьма дружно, без сплетен, сердечных драм и сцен с разбитыми блюдцами. Мы были молоды, и нам просто хотелось жить. Так, наверное, обстояли дела. В двадцать пять я думал о браке, как о чем-то сверхъестественном, невероятном. «Тогда смогут привести под венец, только предварительно здорово накачав его, и то наутро, увидев себя в супружеском ложе, он сбежит от невесты назад к нам», – говорили мои друзья, и были правы.

Наверное, обилие звезд, пусть и не самых ярких, может затмить любое сияние, разбавить и смешать его лучи. Как же я был слеп, не разглядев сияние глаз Карен сразу! Мы спустились с гор на лыжах, когда Карен подвернула ногу. Я поднял ее на руки, и так мы добрались к крошечному отелю, находившемуся недалеко от лыжной трассы. Ночь под луной, гитара и серенада, удававшаяся Карен лучше всего. «Я вижу солнце даже среди дождя», – кажется, так звучали ее слова. К утру я сделал ей предложение и вынес ее на руках к приехавшей за ней карете скорой помощи. Карен не сказала сразу «да», но перед тем, как санитары захлопнули дверь кареты, она приподнялась и, оглянувшись вокруг, взяла меня за руку и прошептала слова любви в самое ухо.

На радостях я решил купить этот мини-отель и запретил своему управляющему менять в нем что бы то ни было, даже его смешное название «Солнечная долина», никак не связанное с лесной чащей, окружающей отель со всех сторон, и лыжной трассой рядом. Мой поверенный оформил покупку на моего пса, завещав нам с Карен от имени Банги его в наследство. Не знаю, сколько денег он отвалил местному нотариусу, но получилось смешно, когда Банга в зубах принес нам с Карен под венец оформленную купчую, свернутую в специальный чехол в виде сахарной косточки. «Спасибо, Банга!» – сказали мы хором, крепко поцеловав его с двух сторон.

«Почему ты женился на мне?» – спросила меня Карен по-

сле торжеств. «Разве ты не знаешь, что твои глаза похожи на яркие сияющие звезды?» – сказал я ей в ответ. Я бросил к ногам супруги весь мир, благо, дела у нас шли отлично. Монмартр, Тадж-Махал, пустыня Гоби, цветные скалы Китая...

Год любви. Разве я смогу забыть его? На Самуи мы попали в сезон дождей. Тропический ливень стоял стеной уже четвертые сутки, но Карен была счастлива, когда упиралась руками в непрерывную стену воды, выставив их в окно нашего бунгало. «Я вижу солнце даже среди дождя», – говорила она мне.

Наверное, я слишком увлекся своей молодой женой, хотя можно ли говорить «слишком», когда речь идет о Карен? Но, так или иначе, а очередную смену власти я прозевал, не успев, как водится в наших краях, заверить нового лидера в своих верноподданнических чувствах. А может, дело было и не в этом, но Михо бросил меня в тюрьму, тут же переписав весь мой бизнес и недвижимость на свою челядь. Через сто дней тюрьмы он даже встретился со мной. Меня привезли в президентский дворец, дав возможность наскоро привести себя в порядок. «Тед, – сказал он мне, – нужно отдать все». И я отдал, чем выкупил свою свободу. Я сам перевел деньги со своих швейцарских счетов.

На улице шел проливной дождь, когда мы с Карен стояли, нищие, посреди улицы. Нас выбросили, как приبلудившихся котят, прямо на мостовую, без денег, еды и дома, не дав

унести с собой даже зубную щетку. Карен, светловолосая дочь Норвегии, плакала, и ее слезы вместе с дождем каплями скатывались по моей груди. «Куда нам идти?» – спросила она. «В „Солнечную долину“», – сказал я и взял ее на руки. Это единственное, до чего не дотянулись власти, и что чудом осталось в нашем распоряжении, ведь благодаря шутке моего поверенного в реестре этот отель принадлежал нашему псу. «Ты жил у меня с рождения, а теперь я пришел жить к тебе», – сказал я ему, вилявшему мне хвостом, как маленький щенок.

Первую ночь мы спали голодные в холодном доме, и только Банга грел нас, забравшись в нашу постель. Но голод прекрасно умеет мотивировать, заставляя человека подниматься с самого дна своих печалей, и на время забывая о всех трудностях и несправедливостях жизни, взяться за тот насущный труд, который может накормить прямо сейчас, к обеду или хотя бы к ужину. Дом нашего знакомства второй раз за короткое время коренным образом менял нашу жизнь, теперь обеспечивая самым необходимым.

Наш отель перестал быть закрытым клубом – «Солнечная долина» распахнула свои объятия туристам, предлагая им простую еду и ночлег. Всего два номера нашей мини-гостиницы кормили и поили нас, позволяя не ожидать с тревогой прихода голодных спазмов желудка. Мы с Карен спали в кухне, чтобы не занимать комнаты. Вдвоем мы заменили весь обслуживающий персонал, и периодически нам каза-

лось, что мы состарились и, как два старика, носимся вокруг толпы детей и внуков, приехавших к нам погостить и задержавшихся сверх всякой меры.

А вечерами моя Карен пела для гостей свою серенаду о том солнце, которое она видит даже посреди дождя, и ее глаза все так же сияли, как самые яркие звезды небосклона. Мы засыпали в тесной кухне, прижимаясь друг к другу, и мое сердце разрывалось от слез, и уныние накатывало волнами, вызывая ужас и тошноту. Наверняка это потому, что я не умел, как Карен, видеть солнце, когда его нет. Но рано утром я просыпался до первых петухов, и с первыми лучами солнца мое сердце пело и согревалось, ведь вся моя семья – мой пес и Карен были рядом. Мы разменяли мир цветных витрин на жизнь вдвоем ради друг друга – разве не об этом мечтают власть имущие, находясь на вершине олимпа?

Второго января во дворе «Солнечной долины» я увидел Михо с его супругой Вивьен на руках. Четверо охранников угрюмо осматривали наш отель, а Михо и Вивьен с усмешкой стояли у нашей импровизированной стойки регистрации. Вивьен, некогда чрезвычайно красивая и властная женщина с горделивым профилем, возвышалась над Михо, стояла за ним, как нерушимая скала, демонстрируя всю мощь и полноту власти. «Мы хотим остановиться у вас на ночь, – сказал Михо, глядя мне прямо в глаза. – Мы снимаем весь отель, по комнате мне и Вивьен. Охрана переночует во дворе в автомобиле».

Голодная жизнь учит смирять свою гордость сильнее десятков лет, проведенных в тибетском монастыре, скажу я вам. Я принял деньги, не рискнув отказать. Раз Михо оказался здесь, значит, наша шутка с реестром всплыла, и только от него зависит, оставят ли «Солнечную долину» нам. По требованию гостей мы накрыли ужин на четверых. Дорогое вино вперемешку с деликатесами, привезенными гостями с собой, пьянило кровь, и легкий туман, как после приема особенно мощного обезболивающего, застилал глаза. Мне казалось, что мы никак не могли насытиться, изголодавшись по вкусностям богатой жизни. Затем Карен нам пела, и казалось, что сам ангел раскинул крылья над нашим домом.

Огонь в камине догорал, и Вивьен попросила показать ей дорогу в ее комнату. Взяв свечу, мы поднялись наверх. Я вошел в комнату первым, освещая ее. Вивьен прошла за мной и закрыла дверь, перегородив собой выход. Чуть погодя, возвращаясь из комнаты Вивьен, я услышал ритмичное поскрипывание койки в комнате Михо. Я лег в кухне и обнял пса. Где-то через час пришла Карен и молча легла рядом...

Проснувшись утром, я понял, что гости покинули наше жилище еще ночью, оставив на стойке плату и скудные чайные, завернутые в записку. Развернув ее, я увидел начерченные рукой Михо буквы: «Надо было отдать все». Поднявшись, я убрал комнаты, приведя их в порядок, и застелил кровати свежим бельем. Затем выполнил всю свою утреннюю работу: наколот дрова, принес воду и провизию с рын-

ка. Работа отгоняла хандру, разгоняя кровь по жилам и наполняя энергией каждую клетку тела.

На пороге дома появилась Карен, суровая дочь Норвегии, одетая по-зимнему, так, будто собиралась в дальний поход. В ее руках был собран весь наш нехитрый скарб, а рядом стоял Банга в своем парадно-выходном ошейнике. Она подошла ко мне и поставила чемоданы рядом. Мы стояли вместе, плечом к плечу, разглядывая нашу «Солнечную долину», и ветер грозно ревел вокруг, разбрасывая снег по веткам деревьев. Затем Карен бросила пылающий факел в дом, и огонь стал быстро набирать силу.

«Куда нам идти?», – спросил я ее, как она когда-то спрашивала меня, стоя на мостовой. «К солнцу», – сказала мне она. Огонь трещал за нашими спинами, освещая заревом путь.

К вечеру, когда голод и усталость сморили Карен, а непроходимый зимний лес окончательно скрыл от нас отблески пожара, я снял с поводка пса и крепко поцеловал его. Затем я поднял Карен на руки, и так мы шли еще некоторое время, а Карен шептала мне слова любви прямо в ухо.

Умник и Мила

*Если даже кто-то холит и нежит,
Так это только тот, кто потом зарежет*
Андрей Макаревич. Песенка про корову

Кто видел совет львиной стаи, тот никогда не забудет этих минут. Величественное зрелище восхождения всего прайда на гору, включая молодых львят, львиц и почтенных пожилых львов, чьи седины порядком смешали благородный рыжий цвет с белым. В отличие от гиен, чьи стайные повадки хорошо известны всему животному миру, львы собираются крайне редко, чаще представляя собой союз гордых воинов с роскошными гаремами и многочисленным потомством.

Но повод был особый, и львы шли и шли, как кочевники, невзирая на дичь, потерявшую всякий страх и высыпавшую на поляны взглянуть на невиданное зрелище. «Panem et circensis» (хлеба и зрелищ, латынь), – важно проговорил один из львов, разглядывая набежавшее зверье. Умник, так звали этого льва, вообще был весьма недурно образован и любил потолковать о Ювенале (римский поэт-сатирик) среди мирских утех и прочей суеты. В жены он себе, кстати, выбрал юную львицу Милу, с трудом отличавшую немецкого философа Фейербаха от Баха, сына той же земли и величайшего композитора. «Amor Caecus (любовь слепа)», – сказал

Умник на свадьбе, и опять был не понят современниками.

«Любимый, – сказала Мила весьма игривым голосом и потерлась головой о могучую шею Умника. – Почему хлеба и зрелищ? Мы, кстати, хлеб в пищу не употребляем, а кроме тебя, самого умного льва, весь прайд рассматривает зрелища в театре исключительно с гастрономической точки зрения, пробуя зрителей и актеров на вкус». «Чертовски хороша», – подумал Умник, и в его голове пронесся еще ряд мыслей о Миле, но обстановка не способствовала их мгновенной реализации.

«Видишь ли, любимая, для чего живут травоядные? Что дает им жизнь в наших краях, право жить или право хранить себя в качестве нашего будущего корма? Подумай, ведь заколов всех зверей, мы будем вынуждены заполнить мясом все холодильники и есть остаток жизни только мороженный продукт, да и тот рано или поздно закончится. А так получается, что они сами поддерживают свою численность и усердно наращивают жирок, тем самым обеспечивая нам свежатину каждый божий день. Как скатерть-самобранка, звери набираются сочного мяса и растят потомство, и их плоть всегда к нашим услугам. Но понимают ли они это? Стали бы они плодить себе подобных и поглощать сочную траву, приняв мысль, что все это делается для услаждения львов?»

Мила застыла на секунду, как вкопанная, а затем, хищно оскалившись, рыкнула на непомерно приблизившуюся антилопу. Та от удивления присела на задницу и захлопала уша-

ми, но убежать не стала, инстинктивно чувствуя себя в полной безопасности. «Но разве не так задумал Господь? – спросила львица. – Разве не он создал львов и остальное зверье, коим питается наш прайд?» Хвост Милы вращался, как пропеллер, а спина выгибалась при каждом шаге, но Умник собрал свою волю в кулак и продолжил речь.

«Видишь ли, ты ставишь самый сложный вопрос, который по сей день не удалось разрешить даже самым мудрым из мудрых. Как задумал Господь? Он никому не поведал свои планы, и нам остается лишь догадываться и додумывать, исходя из сделанного и сотворенного им. Но ты не ответила на мой вопрос: стали бы звери жить и плодиться, осознав себя исключительно поданным львам кормом? Думаю, нет. Не прижимала бы антилопа малыша к себе, зная, что растит лишь лакомство к твоему столу. И львам пришлось бы умереть с голоду или есть друг друга, слоняясь по бесплодной земле. А значит, главнейшая забота львов есть, была и будет – забота о пропитании, чтобы до последней секунды, до решительного мгновения, когда львиные клыки вцепятся в горло беззащитной твари, та же антилопа жила в полном ощущении собственной безопасности и не прекращала кормиться и размножаться. В свою очередь, как достичь этого? Как сделать факт львиных пирушек второстепенным? Как отвлечь зверей от следов крови на траве и брошенных прайдом скелетов?»

Умник помолчал. Пройдя пару шагов, он неторопливо

подошел к антилопе, не бросившей процесс наблюдения за прайдом и мирно трусившей рядом, лизнул ее огромным языком в нос и спокойно вернулся в строй. Антилопы криками высказали свое восхищение львиным поступком, и долго одобрительно галдели.

«Да, – продолжил свою мысль Умник, – забота, забота и еще раз забота. Как искусный повар колдует над своей стряпней, сдабривая ее маслом и специями, так умный лев заботится о своем пропитании, оберегая дичь от пожаров и направляя составы травы в пораженные засухой районы. Как ты думаешь, миллионы из казны тратятся на благотворительность из бескорыстной любви? Нет! Любовь, скажем, к антилопе – это любовь к тебе, твоим львьятам, чтобы роскошнее был ваш пир, и привлекательнее блестела твоя шерсть».

«Но как остаться добрым волшебником, поедая плоть и всласть напиваясь кровью? – задал непростой вопрос лев. – Один только выход видится мне, как и всем нашим предшественникам: отвлечь, спрятать, смешать и распылить струйками песка истину, чтобы никто не смог собрать ее крупички в единое целое и поведать нашу тайну зверью. И зрелища – лучшее, что мы можем предложить нашим подопечным. Охотник убил волка, напавшего на стаю овец, но с друзьями и собаками съел за месяц десяток баранчиков. Перешли ли после этого овцы на сторону волков? Нет, они жмутся к своим благодетелям, преданно блея за сочную траву

и неусыпную охрану, размножаясь и увеличивая поголовье. Вот и получается, что забота о желудке антилопы и ее мыслях есть задача архиважная и архинужная».

Мила питала неистребимую страсть к умным речам своего супруга, и в такие минуты чувствовала себя самой счастливой львицей на свете. Но сегодня привычные глупости были вытолкнуты из Мибиной головы монологом Умника, и она шла, мерно покачивая боками. «Получается, что овцы обмануты всеми – и волками, и охотниками. Но почему волки не перебили всех охотников или, наоборот, охотники не истребили волков?»

«Любимая, для многих из нас повод сегодняшнего совета является секретом. Львы тоже не являются собой однородную массу, многие из них не возвращали мозги одновременно с мускулами. Но я знаю, зачем мы собираемся! Крокодилы поймали несколько антилоп на нашей территории и утащили их в свое царство». «Это возмутительно, – наливаясь силой, сказала львица. – Мы порвем их, как тузик грелку или как лев гиену». Но Умник лизнул Милу в нос и продолжил речь: «Это я послал антилоп на самую границу и предупредил крокодилов о дичи».

Если бы Станиславский был рядом в эту секунду, пауза, которую выдержал Умник, запомнилась бы ему как образец актерского искусства. «Я сделал это, чтобы сейчас мы могли собраться на совет и на глазах всех зверей принять решительные меры против крокодилов. Еще вчера в рядах тра-

воядных кто-то пробовал подло шептаться о львиных аппетитах и нравах. Но думаю, наш сегодняшний выход на скалу советов и меры, санкции против оборзевших крокодилов, как минимум, на целый год запомнятся каждому живущему в наших владениях. Это будет темой встреч, бесед, телешоу и всех печатных изданий. Крокодилы также не останутся в накладе – они показали поедаемым зверям, что в ближайшее время удовлетворят свой аппетит за счет наших антилоп, поэтому тоже заручатся поддержкой и уважением. И все довольны, и дальше могут соблюдать привычный уклад жизни. Поэтому крокодилы нам так же жизненно необходимы, как и антилопы. Кто будет кормить охотника или пастуха, не будь волка?»

«Выходит, крокодилы – тоже львы? – спросила Мила и округлила свои чудесные глаза цвета бескрайних степей и прерий. – Выходит, к львам относятся и племя волков, и человеческие стаи?» «Нет, конечно нет, глупенькая», – сказал Умник и затрусил рысцой вперед, догоняя прайд. «Какой же он умный!» – подумала Мила и затрусила вслед за ним.

Умник бежал, и мысли его уносились вдаль, по безбрежным просторам Вселенной. Он думал о смысле бытия и вреде умных разговоров с красивыми самками. «Крокодилы – тоже львы!» Скажет тоже! Скорее, многие из львов – больше антилопы. Они выполняют отведенную им роль и не задумываются о последствиях своих деяний. Сейчас прайд соберет-

ся и будет решительно требовать покарать крокодилов. Львы будут рычать, и их рык будет слышен в самых отдаленных частях саванны. И главное, что большая часть племени будет делать это искренне, яростно требуя разорвать зарвавшихся зеленых выскочек и выпотрошить их под палящим солнцем. Будет рычать вместе со всеми и Мила, которая забудет этот разговор буквально через двадцать минут.

Но с вредными разговорами надо заканчивать, а то, поди, еще кто-то из львиц задумается о своей роли и начнет сравнивать себя с антилопами. Мила вспомнит, что до нее у меня были другие львицы, начнет думать и анализировать. К чему это? Ведь так хорошо покататься с ней в сочной траве, а потом насладиться свежим антилопным мясом. Нет, любимая, крокодилы – не львы. Как не львы волки и человеческие охотники. Как и в львином прайде, не каждого повернется язык назвать настоящим львом. Лев – это не зубы, мускулы и окрас, не когти и не рык. Лев – это звание, как доктор наук или академик, это заслуженное признание тому, кто понял, увидел проблески разума и гениальную задумку творца. Зачем убивать белого медведя далеко от юрты, если лучше бежать от него до самой юрты под выстрелы охотников? Тогда зверь сам себя доставит к жилищу, и его не придется тащить. «Сui bono» (в чьих интересах, латынь)? Лев – это тот, кто ответил себе на этот вопрос.

А еще Умник подумал о том, что крокодилы прекрасно сказали о рыжих кошках, и это оскорбление заставит возму-

титься пуще прежнего не только львов, но и антилоп. «Что там Мила, – подумал Умник, – если даже антилопы считают себя львами? И, кстати, пожалуй, прозвище „зеленые выскочки“ для крокодилов сильно устарело. Надо найти что-то свежее, колючее, чтобы кусалось и рвало».

Крокодилы ползли к Болоту советов. Ползли самки и детеныши, ползли старые крокодилы и могучие вожди. Звери высыпали вокруг и, позабыв страх, дивились редкому зрелищу. Чувствовалось единение, и общий дух охватывал всю округу. «Антилопы с вражеской стороны не только нагло нарушили наши владения, – начал главнейший из крокодилов, – но еще и употребили в наш адрес оскорбительное высказывание о зубастой вонючей тупой лягушке». Стон возмущения пронесся над болотом. «Так не позволим им глумиться над нами, будем едины в решительный час!»

Но в то же время крокодил подумал, что рыжая кошка, придумавшая такой обидный пасквиль на крокодилье племя, пришла бы кстати среди его собратьев и подопечных. И, тоскливо оглянувшись на собравшихся, он смачно плюнул в воду. «Крокодилы? Антилопы зеленые – вот вы кто...»

Где-то завыли волки, и охотники, оторвавшись от шашлыка, стали заряжать ружья...

Чудный новый мир

*Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут*
Александр Твардовский

Иннокентий обладал одной слабостью, так ярко выраженной среди южан, – порядок и пунктуальность были далеко не самой сильной его чертой. Он легко мог проспять самолет или опоздать на государственный экзамен. И хотя жизнь часто была его за эти оплошности, это не лишило его жизнерадостности и прочной уверенности в том, что весь мир подождет. Бывало, станет Солнце в зените, возвещая о полуденном зное, а Кеша еще в постельке нежится, встать не сподобился. Уж как намучились с ним родители – врагу не пожелаешь.

Но мальчик вырос, и из-под родительского крыла упорхнул в самостоятельную жизнь. Это обуздало нашего соню, пробудив в нем невиданную доселе ответственность, ведь голод не тетка, а в Фирме с таким мириться не станут. Спишут враз в лешие или домовые, а там не забалуешь – работа каторжная.

Фирма, кстати, образовалась аккурат в год Кешиного рождения, когда швейцарский ученый Ризеншнауцер доигрался

на адронном коллайдере и создал на его месте устойчивую черную дыру. Только вылезла из этой дыры не предсказанная Ризеншнауцером антиматерия, а посольство сопредельного мира с белым флагом и губной гармошкой.

Любая сказка рано или поздно становится явью, вот и землянам довелось узреть во плоти Кашея Бессмертного на трехголовом Драконе и Бабу Ягу в ступе и с метлой.

Ученики исчезнувшего Ризеншнауцера первыми встретили инопланетян, угостив их хлебом-солью, но поначалу крепкими тумачами, приняв их за всякую нечисть. Впрочем, межпланетный скандал удалось обойти, и в основном благодаря современной технике пришельцев. Выяснилось, к примеру, что ступа у Бабы Яги – на антигравитационной подушке, и ее умелое использование позволяет не только носиться над землей, но и раскидывать не в меру ретивых почитателей по углам. Дракон же оказался беззлобным, огнем не плевался, девиц не ел, а скромно любил пожевать сельдерей, запиная его ведром томатного сока.

Наскоро собранное заседание ООН вынесло решение принять новых разумных существ в свои объятия, но с оговоркой, что контакты между нашими мирами будут происходить крайне медленно и постепенно, в связи с разными законами физики, структурой материи и развитием технологий, чтобы не вызвать коллапса или революций. Для организации таких контактов и развития отношений было решено создать некую коммерческую Фирму, финансируемую на-

прямую из ООН. В ее обязанности входило наладить контакт, культурный и научный обмен, а также решение доселе невиданных и непонятных человечеству проблем, которые непременно будут возникать вследствие контакта.

Коллайдер обнесли трехметровой стеной, дополнительно вписав в окружность территорию, сравнимую с городом средних размеров. Там и отстроилась Фирма, начиная с офисных помещений и заканчивая жилыми кварталами, бассейнами, тюрьмой и детским садом. А что делать? – Жизнь берет свое. Выстроенный Фирмой город ученых и инженеров жил, и помимо сугубо межпланетных проблем, кто-то должен был решать и чисто человеческие. Воленс-неволенс, а лучшая борьба за чистоту – это регулярная уборка. Попав в Фирму один раз, выбраться оттуда в командировку в мир Кащейа было в сто раз проще, чем в свой земной через трехметровый забор и тысячу бюрократических препон. Так что людей Фирма набирала в основном молодых, семьей не отягощенных, чтобы создавали все с чистого листа прямо здесь, в Фирме.

Иннокентий попал в Фирму, как ему показалось, случайно, проспав отборочный экзамен и поцеловав замочную скважину по приходу. Наскоро умывшись и одевшись, он прибыл к аудитории около 14.00 вместо заявленного в экзаменационном требовании 8.00. Абитуриенты как раз гурьбой выходили к встречающим их родителям, и Кеша увидел своих, волновавшихся у входа. Подойти к ним с тыльной сто-

роны не позволял стыд, и парень метнулся в какой-то боковой вход в помещение, надеясь через него выйти к парадным дверям, чтобы не расстраивать родителей в очередной раз и выскочить в их объятия с основным потоком. Сам факт неуспешной сдачи экзаменов шокировал бы их не так, как вид проспавшего сына.

Но вместо пути к центральным дверям Кеша попал в импровизированную конюшню, где Дракон как раз принимал томатный сок, закусывая его сельдереем. Единственное, что поразило сознание нашего абитуриента, – как можно принимать томатный сок, предварительно не посолив его? Дракон оценил тревогу Иннокентия и, найдя припасенную соль, добротнo отсыпал ее в ведро. «Так?» – мягко спросил он. «Так», – умиротворенно ответил Кеша. «Божественно, – прошипел Дракон и радостно завертелся волчком. – Это в корне меняет культуру потребления томатного сока и внесет новое и доселе неизведанное в аромат восторга, выделяемый при употреблении этого волшебного напитка! Кто Вы? Великий ученый и изобретатель?» «Иннокентий», – скромно представился Кеша, и, спросив у Дракона кратчайший путь к центральному выходу, умелся к родителям, волнение которых уже стало проявляться на их лицах.

Скромное письмо о пройденных тестах и успешной сдаче экзаменов было для Кеши полной неожиданностью. Лишь слабое пятно от томатного сока в углу пригласительного листа давало смутное объяснение, кому он обязан столь чудес-

ным результатом.

Проспать перелет в Фирму ему не дал Дракон, с грацией слона запорхнувший к нему через балконную дверь. «Вставай, вставай, томаты доставай!» – весело проорал он Кеше в ухо. Молодые и холостые жили в общежитии Фирмы, и там проспать было невозможно. А еще Дракон записал Кеше рингтоном свой утренний напев, и под его рычание просыпались не только Кеша, но и рядом стоящее женское общежитие.

В Фирме жизнь бурлила так, что даже самый ленивый закипал, приравниваясь к температуре окружающей среды. Одни испытания ступ и легендарные матчи в квиддич на специально доставленных из черной дыры метлах стоили того, чтобы отказаться от сна в целом как такового. Но кроме забав, кипела и работа, ведь Фирма зря денег не тратит. И Кеше предложили первому отправиться в Новый Мир с годичной командировкой как представителю землян. Сопроводить его вызвался, ясное дело, Дракон. Кешу терзало смутное сомнение, что и это приключение устроил ему любитель томатного сока – уж больно хитро он посматривал на избранника Фирмы.

Прощание с Кешей было недолгим: не дав опомниться, его, как сказочного героя, посадили на оседланного Дракона – и в путь, через черную дыру. Выпорхнув там, Кеша подумал, что в командировку не отправляют без конкретного задания, зубной щетки и сменного белья. Более того, Новый Мир – Новым Миром, а комары там кусались так же,

как на матушке-Земле. Но положившись на судьбу, а точнее, на Дракона, уверенно летевшего куда-то, Кеша смиренно ждал.

То ли Дракон летел быстро, то ли лететь было недалеко, но минут через двадцать Кеша уже был в специально отстроенном здании, очень напоминающем огромную пещеру. Когда стихли приветственные аплодисменты и присутствующие расселись по местам, он увидел всех представителей Нового Мира, не раз воспетых в сказках разных народов. Мальчик-с-пальчик, Золушка, Шрек и Чебурашка сидели прямо по правую руку от него. Зал был полон.

Кащей обратился к Кеше с приветственным словом и сразу стал брать быка за рога: «Наш мир, называемый вами, землянами, Новым, чахнет от коррупции. Какая-то ведьма выпустила эту заразу, и даже самые могущественные волшебники не могут победить эпидемию. Что мы только ни делали! Меняли Кащей на Белоснежку, ломали иглу в яйце, создали НАБУ (Новое Антикоррупционное Болото Утопий) со специально обученными антикоррупционными жабами. И ничего – Кащей жив, Белоснежка проворовалась, жабы притесняют бегемотов и грозят окончательно выгнать их из болота. Каждый попробовал быть во главе Нового Мира, но, увы и ах, эффект был одинаково плачевен. Видимо, проклятие сильнее нас».

«Сильнее нас!» – вдруг заревели в голос антикоррупционные жабы, и с песнями и плясками, потрясая «Верту» и брил-

лиантовыми запонками, взявшись за руки, пустились в хоровод.

«Спокойно! – прервал их Кащей. – Следующим этапом мы создали САП (Слепых Антикоррупционных Павлинов), благодаря слепоте которых надеялись на беспристрастную борьбу с коррупцией. Но подвергнутые ослеплению павлины взятки брать не разучились, и умело прятали добытое под раскидистыми хвостами».

«Сильнее нас!» – запели павлины и пустились в пляс, аккуратно, в меру своей слепоты, давя антикоррупционных жаб острыми лапами. Те смешно взрывались, оставляя после себя облачка зловония, запонки и «Верту».

«И вот, – продолжил Кащей, – мы решили поискать помощи в соседних мирах, и благодаря Ризеншнауцеру первым делом оказались у вас. Мы искали самого стойкого, с природным иммунитетом, какой бывает один на миллион, как, скажем, к вирусу Эбола: все погибнут, а одному хоть бы хны – он победит и не заметит. Нам нужен был человек, не сломленный системой, не проникшийся ее заразой. И только Вы, Иннокентий, подошли нам на сто процентов. Ваш организм, интуитивно защищая Вас от скверны, не давал Вам возможности заболеть коррупцией. Вы проспали экзамен, на котором все давали на лапу преподавателю, не попали на самолет, где представитель авиакомпании брал денежку за лучшие места. Вы полностью невосприимчивы к коррупции. Даже на экзамен для поступления в Фирму Вы не пришли, из-

бегая этой заразы, а умело посоленный томатный сок был Вашим внутренним порывом и не требовал взамен никаких благ. Вот мы и решили обратиться к Вам за помощью, чтобы Вы, Кеша, вылечили нас от этой проказы, поделились своим иммунитетом. Ведь как сказал наш известный ученый, поэт, альфонс и коррупционер Башунин в приветственной оде, специально написанной в честь Вашего прибытия:

«Во сне рождается победа,
Она куется не мечом.
Уйдет зараза, сгинут беды,
Змея свернется калачом».

«Мечом – калачом, – подумал Кеша. – Интересная рифма». Все это настолько напоминало сон, о котором так много говорил Кащей, что, несмотря на подготовку в Фирме, Иннокентий ущипнул себя, чтобы убедиться в реальности происходящего. Потом он закрыл и открыл глаза, но в целом ничего не изменилось. Кащей все так же стоял на трибуне, а жабы на сцене научились больно царапать острыми углами запонок и теснили слепых антикоррупционных павлинов.

«Я согласен», – сам того не ожидая, произнес Иннокентий. Вопли, пляс, крики радости и пение заполнили всю трибуну. Все рванулись на сцену, чем серьезно смешали расстановку сил между НАБУ и САП, тесня уже и тех, и других. Один Башунин сумел вовремя выскочить из толпы и проорать очередную часть оды:

«Кашея свергли, Кеша с нами.
Долой коррупцию, ура!
Нам новый грант пришлют по почте
Иначе полная...»

Кто-то в толпе ударил Башунина, и его обмякшее тело увлек нескончаемый радостный поток. Последнее слово не рифмовалось, и Кеша не стал долго сосредотачиваться на его поиске. К ночи торжества схлынули, и над Новым Миром воцарился сон.

Наутро Кеша проспал прием, на котором министры и олигархи предполагали дать ему взятки. Подождав заговоренного Кешу, они сложили свои дары у него в приемной, заочно пообещав ему делать так двадцатого числа каждого месяца. Слух о подношениях на борьбу с коррупцией быстро разнесся по планете, и система отстроилась под новые условия. Помощники министров собирали дань к 19-му, начальники управлений – к 18-му, простые же граждане, как обычно, отдавали ее первого.

После распития томатного сока с Драконом Кеша прилетел на место Кашея, где увидел собранные дары. Времени оставалось немного, и Кеша, верный сын Земли, связался с Фирмой в поисках выхода из ситуации. Те, к неописуемой радости Иннокентия, с ходу согласились выкупать Кешины дары за звонкую межгалактическую монету, интересуюсь изобретениями Нового Мира. Делать летающие метлы

на старушке-Земле оказалось накладно, а покупать их у Кеша – крайне выгодно. Тем более, что Фирме нужны были средства на новые изыскания.

Иннокентий направлял все полученные с Земли средства в бюджет Нового Мира, поэтому тот рос, как на дрожжах, и вскоре достиг невиданной цифры. Заработали социальные программы, повысили пенсии и зарплаты, и даже друг Кеша Дракон мог позволить себе томатный сок с сельдереем каждый день. С солью, разумеется. Попасть к Кеше на прием было практически невозможно, так как спал он все больше и больше, и местные коррупционеры потихоньку наполнили бюджет так, как не наполняют его в мирах, где коррупция – до сих пор дело невиданное.

Кеша же в свободное от сна время написал книгу «О пользе сна», разошедшуюся миллионными тиражами по всем населенным мирам нашей Галактики. Эпиграф к книге сочинил, естественно, Башунин.

Закон сохранения

*Подумай, мы назвали все звезды и планеты,
а может, у них уже были свои имена
Станислав Лем. Солярис*

Легкое дежавю мелькнет перед тобой, как облачко, заслонив яркое солнце, и внесет сумятицу в окружающий мир. А я ведь так ясно помню это лицо, приходившее ко мне во сне, этот поцелуй, глаза и нежное прикосновение бронзовой кожи. «Вы снитесь мне каждую лунную ночь», – начал я разговор с незнакомкой, которая смешно, по-турецки, сидела на полянке в парке, охраняемая толстым сенбернаром, лениво зевавшим у ее ног. «Возможно, не самая остроумная фраза для знакомства», – пронеслась шальная мысль, но виной тому сегодняшней день и его непомерные перепады погоды – от яркого солнца, ударившего в глаза в минуту пробуждения, к утренней грозе и сразу назад, к ясному и чистому горизонту. Вот только маленькие перистые облака периодически закрывали небо, и казалось, что это сбоит телевизор, но передачу вот-вот наладят, и помехи исчезнут без следа.

Облака окончательно исчезли, и сознание стало проясняться. Улыбнувшись в ответ, девушка протянула руку. «Хари, – сказала она. – Я Хари, а это мой пес Кельвин». «Я тоже Кельвин», – радостно сказал я, и выпустив руку Хари

из своей, полез целоваться к уже захрапевшему было сен-бернару. Хари засмеялась. Моя красивая свежевыглаженная небесно-голубая форма пилота королевских авиалиний буквально за минуту покрылась травой и частино шерстью собаки. «Я с двумя Кельвинами, значит, могу загадать желание», – произнесла Хари и на секунду закрыла глаза.

«О боже, как она прекрасна!» – подумал я, но кто-то сбил меня с этой заманчивой мысли и настойчиво лизнул в ухо. «Я угадаю Ваше желание», – решил я не терять удачный момент. Хари внимательно смотрела на меня. «Вы хотите мороженое в компании двух Кельвинов. Я знаю прекрасное кафе неподалеку»...

Как быстро летит время. Постой! Мы не ценим тебя в минуты радости и ругаем в минуты скорби. Как все зашло так далеко? Мы сыграли с Хари свадьбу через месяц после знакомства, ее пес, наш Кельвин, ушел в его пятнадцать лет, что немало по собачьим меркам. Я бросил летать и снова засел за учебники, уже в финансовом, пять лет работал ночами, подрабатывая то сторожем, то вышибалой, а Хари научилась вязать и делала что-то особенное на заказ.

Потом выпуск, первая работа брокера в инвестиционном банке и тяжкий путь к успеху... Ушли родители, ушел Кельвин, мы перебрались из домика на колесах в приличный дом. Затем Всевышний подарил нам нашего первенца, нашего сына. Мы назвали его Икар. Я погасил ипотеку, ушел из банка и, рискнув всем, создал фонд. Свой собственный инвести-

ционный фонд имени Кельвина. «Это в память о нашем хвостатом Кельвине», – сказал я Хари.

Затем еще 20 лет, и вот уже сын – пилот королевских авиалиний. Он не хотел вникать в цифры и опционы. Он любил летать, и летал, как древнегреческий сын Дедала и его тезка Икар – дерзко, рискованно и красиво, не слушая никого.

Затем, как и сына Дедала, его не стало. Хари держалась молодцом, но в один из дней ушла за сыном, уколов себе что-то в вену. Я не стал слушать нудные отчеты врачей и полицейских. Зачем? Но я помню, как вошел после работы домой и увидел ее в кресле с откинутой безвольно рукой. Увидел шприц и черную точку от укола, зиявшую на безупречной бронзовой коже черной воронкой...

Я не мог позволить себе даже минуту слабости, и работал как вол, пропуская выходные и праздники, иногда забывая о времени года и путаясь в днях недели. Затем успех, почетный серебряный трофей лучшего фонда года, и имя Кельвин с нарисованным рядом долларом на обложках всех финансовых журналов. Мой дом был полон гостей, а в друзья мне старались попасть даже политические знаменитости. Автографы, фотографии, лекции для студентов Гарварда. «Мы строим мир, – говорил я им, – и важно использовать для стройки хороший кирпич. Но самое важное – фундамент, все держится на нем».

Затем – ипотечный кризис и банкротство. Я продал все, что имел. Продал дом, перебравшись в дом на колесах, про-

дал серебряный трофей, предварительно смяв его и скатав скалкой в слиток серебра. Но все это не покрыло убытков фонда.

И дальше банально: друзья бросили меня, вкладчики, что ранее, казалось, произносили мое имя с благоговением, пытались меня линчевать. Один из них оказался неплохим юристом и сумел объединить потерпевших вместе со мной крах в общее целое и напасть на меня единым фронтом. Газеты смешали меня с грязью, и прокурор в суде блистал красноречием. «Кельвин виновен не в том, что украл деньги, – говорил он. – Он виновен в том, что украл у наших граждан веру в страну, веру в ее развитие. Он откинул нас на столетия назад, и этому преступлению есть только одна кара. Вы знаете ее, Ваша Честь».

Как все зашло так далеко? Я мог уйти за Хари, но не сделал этого. Не знаю, почему. Я не был трусом. Даже наоборот – я хотел испить чашу неудач до дна и опять выйти на лестницу, по которой можно карабкаться вверх. Я хотел, чтобы хвостатый Кельвин, Хари и Икар стояли, отлитые в бронзе, на пороге вновь отстроенного фонда. Но слушая приговор суда, я ясно осознавал несбыточность моих надежд. На носу была избирательная кампания, и судья метил на пост губернатора.

«Вы положили плохой фундамент», – сказал Ваша Честь. Наверное, это так. Я понял и принял свой приговор, я увидел его в глазах суда. Зал ахнул, и даже прокурор, похоже,

не ожидал услышать это. Но я никогда не был трусом. Я не упал в отчаянии и не выстрелил себе в висок.

Когда Ньютон получил яблоком по голове, в его светлые мысли пришло не только понимание всемирного тяготения. Нечто гораздо большее, что потом окончательно развил и трансформировал Эйнштейн, было тогда сформулировано вслух. Мир есть непрерывная смена времени, материи и энергии, проистекающая от начала времен и длящаяся до его конца. Ученым тогда удалось описать в одной формуле весь миропорядок, объясняющий легенды и верования всего человечества, начиная от вечной жизни и жизни после смерти до путешествий во времени. Все оказалось достаточно прозаично: время связано с материей и энергией в единое целое, и оно также никуда не девается и не исчезает, являя собой единый замкнутый круг сохранения. Каждый прожитый нами миг не уходит безвозвратно, образуя параллельную Вселенную.

Представьте выложенные в ряд бусы. Каждая бусинка – это наш мир в единицу времени. То есть всегда есть мир, где вам пять лет, и мир, где вам пятнадцать. Просто мы не видим и не чувствуем этого. А бусы лежат в бесконечном ряду времени, и ничто не мешает путешествовать, перескакивая с бусинки на бусинку. Нет, конечно, вы не встретитесь с самим собой, мотнувшись на 5 лет назад – просто перенесется ваше Я, и вы очутитесь в теле и мире пятилетней давности, забыв прошедшие годы навсегда. Силы Вселенной сотрут из памя-

ти прожитое, как ластиком стерев вас из миров, следующих за точкой возврата. И вы начнете свою жизнь с этой точки заново, не подозревая ни о чем, как и окружающие вас люди, заново вписывая себя в историю мира, создавая свои вечно живущие копии во времени и пространстве, заполняя образовавшуюся брешь. Как на месте отрезанной ветки дерева вырастает новая, так и вы вновь заполните собой миры будущего.

Разве что только ваша жизнь будет другой. Мир всегда наполнен роем случайностей, и только ими определены события вокруг. Вот вернулся ты в свои пятнадцать и начал жить опять. Ты легко можешь не поступить в вуз или не встретить любимую, стать великим гением или ужасным убийцей – на все воля случая. Как шарик в рулетке не будет выпадать одинаково, бросай ты его с одной силой в одно и то же время каждый день. Чтобы совершить такой переход, нужно знать Закон Сохранения, построить соответствующую машину и обладать поистине колоссальной энергией, превращая ее потом во временной сдвиг.

Это выдающееся открытие вначале привело к упадку все мировые религии, ведь воочию можно было убедиться, что вечной жизни в традиционном смысле не существует – ты не умираешь никогда, так как жив в параллельных Вселенных, каждый день в которых тебе где-то пять, а где-то пятнадцать. Стала понятна история предсказателей и провидцев, их выдающийся природный дар использовать окружающую

энергию для путешествий по параллельным Вселенным.

Но как человек, открывший металл, не виновен в том, что из него сделали гильотину, так и Эйнштейн не виноват в появлении современной машины для казни преступников – «Стирателя». «Стиратель» принудительно вернет вас в прошлое, в так называемую точку перелома, в которой, по мнению суда, сломалась, пошла наперекосяк ваша жизнь, в точку, где в фундамент был заложен плохой кирпич.

На первый взгляд гуманное решение повергло в ужас преступников, чьи деяния могли заслужить этот приговор. Как бы ни была тяжела твоя жизнь, риск забыть все плохое сопровождался риском не встретить в новой попытке и ничего хорошего, что было так дорого тебе, что удерживало на плаву. Многие предпочитали до конца своих дней гнить в тюрьме, не рискуя переписать свою жизнь заново. Но Кельвину суд не оставил выбора – никакой альтернативной меры, никакого «на выбор подсудимого». «Стирание» – вот был его приговор.

Кельвину не разрешалось узнать, в какой возраст его вернут. Священник, чья вера была непонятна уже и ему самому, посетил Кельвина в ночь перед казнью. «Сын мой, тебе дадут новый шанс. Тебе все простится, и ты начнешь жизнь вновь. Ты снова будешь молод, и вся жизнь, прекрасная и ужасная, будет лежать перед тобой. Ты не трус и не принял яд, как многие из приговоренных. Тебе ли печалиться перед завтрашним днем?»

«Вы ведь не скажете мне, в какой миг вернут меня, отец мой?» «Нет». «Да, милосердие... Это конечно... Меня не убьют и дадут новый шанс. Почему же тогда приговоренные принимают яд, и пришедших к «Стирателю» прикручивают ремнями? От меня ушли Кельвин, Хари и Икар. Я разорен, а мое имя втоптанно в грязь. Что держит меня в этом мире? Почему мне с радостью не взойти на «Стиратель», отдав себя воле случая и могуществу Вселенной?! Я отвечу Вам. После казни я могу прожить заново новую и счастливую жизнь. Все на всем временном участке стирания мгновенно забудут обо мне старом и увидят нового, думая, что так было всегда. Может, каждый из нас уже сотни раз проходил через эту машину, или это мой первый приговор. Кто знает? Но перед тем, как палач нажмет кнопку, я хочу, чтобы Вы, святой отец, осознали происходящее.

Человека можно убить, но не память о нем. В этой жизни я и все вокруг будут помнить лай Кельвина, улыбку Хари, и как летал мой сын Икар. А секундой позже это все будет стерто. Будут другие девушки, собаки и дети. Но этих, моих, скорее всего, уже не будет. Какова вероятность шарика в казино выпасть на одно и то же число? Я не знаю, когда все пошло не так, где тот камень, что был плохо положен. Я и сейчас валялся бы в форме с хвостатым Кельвином на лужайке у ног Хари, я отвел бы Икара в летное училище, основал бы свой фонд. Сейчас Вы скажете что-то о милосердном Господе, натолкнувшем Ньютона и Эйнштейна на это откры-

тие и создание «Стирателя», чтобы прощать людей и давать им второй шанс. Знайте же: это не Он! Он не был бы так жесток с нами».

«Я прощаю тебя, сын мой, и буду молиться за тебя перед Господом, пока не нажата кнопка „Стирателя“, пока я помню тебя таким», – промолвил святой отец.

Меня не пришлось заставлять силой. Я сам взошел на эшафот. «Поехали, – сказал я в лицо палачу. – Запомните меня и моих любимых такими, пока Вы не стерли наши жизни из этого времени и из своей памяти»...

Мне 25, и я уже пилот королевских авиалиний. Небесно-голубая форма красиво смотрится на подтянутом теле. Особенно сегодня, в яркий летний день. Какое-то странное чувство у меня сегодня с утра, как будто перистые облака застилают мой взор. Надо прогуляться и прийти в себя, стряхнуть тяжелый осадок. Гроза, набежавшая с утра, ушла, и дышится легко. «Вы снитесь мне каждую лунную ночь», – начал я разговор с незнакомкой в парке, что смешно, по-турецки, сидела на полянке, охраняемая толстым сенбернаром, лениво зевавшим у ее ног. Улыбнувшись в ответ, девушка протянула руку.

Генерал

*Я выбираю Свободу —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой*
Александр Галич. Я выбираю свободу

Генерал плакал, уткнувшись в спину супруги Клавдии, как побитый щенок, ища у нее защиты и спокойствия. Супруга лежала молча, дав ему выплакаться и успокоиться. Когда же Генералу полегчало, он обнял Клавдию в поисках тепла и мирно уснул. Осторожно сняв руку Генерала, Клавдия встала с постели и прошествовала на кухню. По дороге она мельком заглянула в зеркало и неувловимым движением руки поправила челку. «Бабье лето» смотрело на нее из зеркальной глади. Сорок лет вернули Клавдии тот озорной блеск глаз и легкую походку, казалось, уже утраченные навсегда в перипетиях прошедших лет. Фигура, за которой явно следили, все еще радовала глаз, а ухоженная кожа и подтянутый живот могли все так же свести с ума любого мужчину. «Хороша», – сказала Клавдия своему отражению, и, послав сама себе воздушный поцелуй, вернулась к бытовым заботам.

Генерал любил засыпать, обнимая супругу, Клавдия же, прирожденная «сова», принимала этот ритуал, и уходила затем в ночь гулять по дому. Ночная жизнь принимала ее

в свои объятия, принося покой и обильную пищу грезам. Когда дом с его челядью, детьми, собаками и Генералом наконец-то усыпали, генеральша, как с завистью называли за глаза ее немногочисленные подруги, могла посвятить время себе. Никто не мешал просто подумать, помечтать с закрытыми глазами, пошелестеть страницами книг или порыться в Интернете, в общем, делать все то, чего желает душа именно в эту секунду, не задумываясь над рациональным объяснением происходящего. А душа желала моря, его белого просеянного песка под испепеляющими лучами солнца, полуденного дрема и вечерней прохлады. Еще очень хотелось небольшой романтический адюльтер или хотя бы томный шепот воздыхателей за спиной, и конечно, любовь под лучами восходящих звезд.

Генерал слыл апологетом здорового образа жизни, и каждый раз укорял супругу за вредные привычки, в частности курение, выработав в ней за годы совместной жизни рефлекс, свойственный доброму домашнему псу, сто и более раз прослушавшему лекцию, что писать нужно на улице в травку, а не на паркет. Такому псу всегда ужасно стыдно за свое поведение, и этот стыд отчетливо читается на морде заранее, когда пол еще чист, но собака уже мостится сделать свое мокрое дело. Для Клавдии выкуренная сигарета была наркотиком, той возможностью забыть о своих девичьих мечтах, и с двенадцатым ударом кукушки, как Золушка, увидеть тыкву вместо кареты, а затем, отпустив мечты

на волю вместе с сигаретным дымком, привычно лечь в постель рядом с храпящим генералом, своим первым и пока что единственным мужчиной.

Сегодня сон не шел, но привычка, выработанная годами супружеской жизни, делала свое дело за Клавдию. Услышав бой часов, она затушила сигарету и поднялась в спальню, где еще долго лежала с открытыми глазами. Под утро усталость сморила ее окончательно, и генеральша забылась тяжелым сном.

Молодость Генерала была тревожна в соразмерности с лихими временами, сопутствовавшими им. В двадцать еще кадет, в тридцать он возглавил военный переворот, приведший его на вершину власти. Его текущая должность носила скромное название Лидер, но по своим полномочиям явно превосходила столь краткий титул. Придя к престолу во главе заговора военных и тайной полиции, он получил в руки всю полноту правления страной, сделав карьеру почище Наполеона.

Придворные историки окрестили случившийся военный переворот «Революцией братьев», пытаясь укрепить в сознании подданных Лидера мысль о всеобщем братстве, воцарившемся после победы заговорщиков, но термин не прижился, уступив место народному названию «Банановый переворот». Название, как ни странно, не несло в себе никакой связи с цветными и фруктовыми революциями, прокатившимися в ту пору по странам Европы, а было связано

исключительно с плодом, называемым «банан», с ботанической точки зрения являющимся ягодой.

Имея в среднем 15 см в длину и 3—4 см в диаметре, цилиндрической формы, с характерной желтой кожурой, банан известен каждому ребенку с малых лет. Но сам по себе невинный плод был использован учительницей на уроке биологии для иллюстрации нюансов отношений между мужчиной и женщиной. Двенадцатилетняя дочь Генерала, воспитанная в достаточно пуританских традициях, получила настоящий шок, увидев, как ловко одевает презерватив на недозрелый банан молодая учительница, а также услышав ее пояснения о дальнейшем применит «вооруженного банана» и опасностях незащищенного секса. Шок у ребенка был настолько силен, что Генералу пришлось впоследствии обращаться за помощью к психиатрам, чтобы ребенок перестал шарахаться от проходивших рядом мальчиков и плакать ночами.

Но в тот вечер, когда он увидел заплаканное дитя на коленях у Клавдии, переступив после службы порог дома, услышав ее сбивчивый рассказ о «вооруженном банане», его вначале посетила мысль, что некий подонок надругался над его дочерью. Вникнув в суть истории от Клавдии более подробно, предварительно уложившей ребенка в постель и напоившей его легким успокаивающим вперемешку со снотворным, Генерала начало отпускать. Но место отхлынувшей тревоги лавиной начала занимать лютая ярость к людям,

заставившим пережить подобный шок.

Ужас оказался призрачным, но Генерал несколько минут переживал случившееся как вполне реальное событие, и гнев требовал немедленного выхода. Он позвонил дежурному в часть и поднял ее «в ружье». Затем он прыгнул в машину и дал полный газ. Мчащаяся навстречу автострада наводила дикую тоску, и гнев, скопившийся у Генерала внутри, закипал и грозил вырваться из горла огненной лавой. Вид построенных и вооруженных солдат несколько остудил пыл разъяренного отца, и сугубо по-деловому Генерал выслушал доклад дежурного. Получив команду «по машинам», солдаты прыгнули в БТРы, и колонна выдвинулась в город.

Генерал изначально занял место во главе колонны и держал курс в школу, но очищающийся от гнева рассудок подсказал ему, что там давно уже никого нет, а в Правительственном дворце власть присутствует круглосуточно, и реальные виновники сидят именно там. Он вспомнил в тот момент все: свое голоштанное детство, скудный кадетский пансион, две бутылки шампанского на всю свадьбу, и все невзгоды судьбы легли у него, как карты Таро перед опытной гадалкой. Его гнев и скоропалительное решение смести власть были импульсивны и просто не дали возможности кому бы то ни было проведать о заговоре и донести. Опешившая охрана не успела даже сказать «Ой!», как Генерал был у рычагов управления страной.

Проведав о случившемся, большая часть военных и тай-

ной полиции примкнула к Генералу, в спешке рассчитывая на повышения и более значимый кусок пирога. Прежние же власть имущие видели во всем хорошо разработанный заговор и трусливо бежали в страны, где мирно ждали их ранее припасенные деньги и недвижимость. Власть перешла к Генералу сама, по сути, без единого выстрела и хоть какого-то вразумительного плана на первое время. А теучка первых дней победы «Бананового переворота» захватила его настолько, что страх от сделанного пришел к нему уже где-то через полгода, когда пост Лидера был прочно закреплен за ним наспех собранным новым составом парламента.

С чего-то нужно было начать, это Генерал знал своим военным чутьем, он чувствовал необходимость немедленных и решительных действий, как чувствует хищник добычу задолго до того, как невинная жертва увидит приближающуюся угрозу. «Действовать нужно немедленно и решительно, – сказал он собравшимся. – «Наша страна – это одна большая семья, и семейные ценности, утраченные в погоне за миражами прогнившего западного мира, должны вернуться, стать основой нашей повседневной жизни».

Генерал всю жизнь недолюбливал масонов. Толком не зная никого из «вольных каменщиков» (масонов), Генерал представлял их себе в виде неопрятных и злобных старцев, правящих миром и каждый божий день посылающих неприятности в контролируемые ими территории. «Изгнание, освобождение от гнета масонов и семейные ценности,

вот ближайшая задача пред нами!», – закончил Генерал свою речь под бурные аплодисменты.

Расправа с масонами прошла быстро и была в целом встречена привычным одобрением в стране, так как созданный специально люстрационный суд видел агентов тайных обществ среди людей зажиточных. Публичная порка виновных заканчивалась арестом осужденных. Семьи же преступников власти переселяли в лачуги на окраинах городов, разрешая взять с собой только вещи первой необходимости. Затем толпа могла разграбить «осиное гнездо» и унести по домам «найденные сувениры». От обычных погромов люстрация отличалась, в первую очередь, тем, что Генерал твердо запрещал насиловать или избивать попавших под длань люстрационного суда. Семейные ценности не вязались со слишком лихими активистами, приверженцами старых методов погрома, и слишком ретивых пришлось усмирить банальным расстрелом, введенным Генералом в стране вновь для поддержания и укрепления морали.

Генерал никогда не относил себя к малообразованным прямолинейным воякам и по праву считался человеком начитанным. Оперируя цитатами из Шиллера и Гете, он мог здраво рассуждать о работах Юнга и Фрейда, заканчивая сказанное чем-то из современного, скажем «Четвертой промышленной революции» Клауса Шваба. Однако налаживание процесса избавления от масонов тайных и явных далось ему сильно проще, чем семейные ценности, ради которых он

и сверг предыдущую власть. Ценности ускользали и просачивались сквозь пальцы как струи дождевой воды.

«Государство должно жить так же, как живет обычная семья, с теми же приоритетами и задачами. Вот наша цель, вот наш единственный путь». Но семьи, как мыши в норках, норовили жить по-разному, внося сумятицу в ровный строй выдвигаемых Генералом тезисов. Проведя мозговой штурм, Лидер выбрал свою семью как образцовую. Рассуждал он в целом здраво: «Пусть даже есть кто и достойнее, но я таких не знаю, а времени на поиск у страны нет. Значит, будем жить все, как я, мои жена и дети. Что плохого?»

«Я не пью, не курю, – говорил Генерал о себе, – у меня верная и любящая супруга, что блюдет дом и детей. Мои дочери знают, что Господь их не создал одинаковыми с мальчиками. Они могут быть сто раз равны во всех гражданских правах, но они девочки, будущие матери, и должны вести себя соответственно, не противясь своему естеству. Задача женщины быть опорой мужу, матерью его детей, а мужчине Господь приготовил роль добытчика и защитника. К чему же эта западная ложь, способствующая распутству среди молодых и взрослых? Что плохого в том, что девушка вступает в брак девственницей, выбрав своего суженого вместе с родителями на общем семейном совете? Если не это, то что может уберечь институт брака от окончательного распада, лавины разводов и детей, ставших ненужным бременем расставшимся супругам? Призрачная свобода полового поведе-

ния и выбора спутника жизни неокрепшим умом приносит столько же пользы, как и наркотик, дурманящий разум и открывающий в момент опьяняющего сна дорогу эфемерных наслаждений. Нужно вернуть скромность девушкам и мужественность парням, вернуть в общество мораль, утраченную ранее засунутыми масонами сквозь Окна Овертона (рамки допустимых мнений в публичных высказываниях) разрушительными идеями вседозволенности в личной жизни. XXI век не сделал и не сделает никогда допустимыми однополые браки больных извращенцев, большую часть которых и представляют тайные агенты масонских лож. Человек прекрасно понимает и так, что хорошо, а что плохо. Его сбили, испортили, подставили подножку в пути, и он свернул на топкую дорожку с хорошо проторенного и освещенного пути. Значит, надо вернуть его на путь семьи и ее устоев, путь нравственности и труда, уважения к Закону. Нарушители же такого порядка есть никто иные, как тайные враги нашей страны, и поступать с ними нужно не иначе, как с врагами».

Генерал остановился и знаком показал, что запись сегодняшнего выступления можно считать оконченной. Его необычайному вдохновению способствовала утренняя беседа, проведенная им с бывшей учительницей его дочери, так ловко управлявшейся с бананом. Кривая революции занесла ее на службу в администрацию Лидера, и Генерал любил частные беседы с ней. Будучи ярким противником насилия, он принял ее добровольное служение ему лично, позво-

лявшее снимать свое повышенное рабочее напряжение и показать педагогу, как на самом деле должен выглядеть «вооруженный банан». Иногда, после особенно бурных показов, он даже подумывал о том, чтобы реформировать действующую систему и позволить легально иметь мужчинам наложниц или вообще пойти на принятие закона о многоженстве.

«Почему женщина должна страдать, – думал Генерал. – Не встретила она, скажем, нормального мужика, ведь таких, как я, немного, очень немного. Что ж теперь делать – и не жить вовсе? Да и от мужика ведь не убудет, особенно если он зарабатывает на всех. И главное, никакого насилия, это недопустимо».

Что-что, а насилие Генерал действительно не любил. «И семью к этому тоже нужно готовить. Мужик должен уметь забить гвоздь, а девушкам неплохо бы овладеть наукой о домохозяйстве, скажем, вести дом как его Клавдия и заниматься любовью как его „банановая“ учительница». Генерал представил сначала обеих женщин, преподающих житейскую науку детям в школе, а затем в широком генеральском ложе. Странно, но мысль об этом не казалась ему уже столь отвратительной, как годом ранее. «Но общество, оно не готово, решительно не готово к таким назревшим переменам. Нужно с детства, с пеленок прививать малышам новые знания, новый мир, который откроется им под началом Лидера, то есть Генерала. Пожалуй, надо сделать „банановую“ министром образования – она справится, она потянет».

Колея

*Тем, что я ее сам углубил,
Я у задних надежду убил*
В. Высоцкий. Чужая колея

Маат, любимая дочь бога-творца Ра, сидела у него в ногах в ту великую ночь, когда Ра создал Солнце и Землю. Ей нравилось наблюдать за работой отца, как неспешно проводит он рукой по небесам, раскрашивая пустой небосклон лучиками звезд, или устилагает травой еще пока пустующую твердь Земли. Как прекрасен ее отец, особенно сейчас, в миг творения. Его лицо, его взгляд наполнены такой силой, что горы вырастают на Земле и звезды загораются на небе, предугадывая взгляд повелителя сущего. Маат знала, казалось, все об отце, но каждый раз она не могла перестать наслаждаться сущностью творения – когда мысль, фантазия превращались Ра в окружающий нас мир.

Такое можно увидеть и теперь, неторопливо выкуривая трубку у мольберта, пока художник наносит слои краски на белый лист. Вот мастер отступает от холста на шаг, и перед вами предстает созданная из вечного хаоса картина, а значит, еще одна крохотная частичка неопределенности была поймана в сети и, будучи покорна мысли творца, послужила основой, строительным материалом новому созданию, по-

рядку, пришедшему в наш мир первый раз волею Ра.

Ра-творец существовал вечно – вечной была его мысль, носившаяся по безбрежным просторам окружавшего ее хаоса. Из хаоса Ра создал сам себя, создал богов и людей, звезды и планеты. Но вот работа закончена, и усталость озарила лицо отца Маат. Как верный щенок, почувствовавший печаль хозяина, Маат закрутилась вокруг отца и, устроившись у него на коленях, поцеловала в нос. Улыбнувшись, Ра отогнал печальную мысль и погладил дочь по волосам. Затем с ловкостью заправского фокусника он щелкнул пальцами, и перо украсило прическу Маат. Тихонько ойкнув, она нащупала украшение рукой и стрелой умчалась к ближайшему зеркалу любоваться отцовским подарком.

«Девчонка есть девчонка, даже если она богиня», – подумал Ра. Но печаль, нахлынувшая на него мгновение назад, отступила, растворилась в поцелуе дочери, и бог неторопливо прошествовал за Маат, встав у нее за спиной. «Женщины, похожие на тебя, будут на Земле почитаться первыми красавицами, – сказал он ей на ушко. Дочь замерла, как статуя, перед зеркалом. – Перо же, подаренное тебе сегодня, станет единственным мериллом правды. Запомни, Маат, можно обмануть бога, но не твое перо. Сердце, что перетянет его на чаше весов, отправит его владельца назад в хаос, превратит в ничто. Если же созданное мной перо уравновесит сердце или окажется тяжелее его, значит, его владелец не причинил зла, помыслы его чисты. Я создал сегодня весы из звезд,

посмотри, они будут всегда между созвездиями Скорпиона и Девы, служа одной тебе вечно. Весы и перо – это мой дар тебе...»

Дары богов. Боги дарят, боги отбирают. Как писал Публий Вергилий Марон: «Timeo Danaos et dona ferentes» (боюсь данайцев, и дары приносящих). Боги даруют нам силу, молодость, красоту, богатство, да и саму жизнь как таковую. Они же и отбирают свои дары назад, когда придет срок. Это же не дар, а аренда получается какая-то, причем на сильно невыгодных условиях: ни сроки заранее неизвестны, ни цена. Вдруг, с бухты-барухты, постучится владелец в окно, хватать свое майно – и бежать в лес, а на подоконнике счет с шестью нулями и банковскими реквизитами. Несправедливость! Так нет, никто не спросит, может, я не хочу за такую цену брать что-то, никто не поторгуется.

Живут родители, в чаде своем души не чают, в попочку целуют, бантики или галстук повязывают. Как же – Господь им ребеночка подарил, их плоть и кровь. Тяжело им приходится, как и всем нам, потом и кровью каждый божий день дорожку в мир ребеночку прокладывают, чтоб чистым был путь, без сучка и задоринки. А тот шагает по жизни как по проспекту на радость папе и маме, свет кругом, чистота. Присядут, бывало, родители на завалинке, обнимутся, на звезды вместе посмотрят. Вспомнят жизнь свою, путь проделанный, и так, с грустинкой, скажут друг другу: «Пусть не мы, так дети наши... А как же, им-то, соколикам, не так

уж тяжело будет, оставили им стартовый капитал, не придется детям нашим скороварке радоваться, как нам пришлось».

А ребенок вырос уже, семью свою завел, свои детки есть. И закрутилось, понеслось: то – не так, это – не этак. И вот уже вскоре бывшие детки сидят на завалинке и говорят друг другу: «Пусть не мы, так наши дети». И так из поколения в поколение, из века в век. И нет края и конца этому порочному кругу, поколения уходят, а счастье своим детям так и не построили.

А как его построишь? Мы не в силах купить детям счастливую семейную жизнь, удачную работу, здоровье, богатство. Представляю себе такое объявление в газете, скажем: «Куплю дочке красивого, богатого, молодого, здорового, образованного, любящего мужа гарантирующего крепкое потомство, вечную любовь и верность». Так и до сумасшедшего дома недалеко. А значит, надежда только на богов и их дары, что подарят, и когда придут за расплатой. А их моли, не моли. Коль уж Ра свою любимую дочь Маат обрек на вечное служение правде, а значит, каждодневный труд грехи людские взвешивать, в гадостях ими сделанных разбираться, то будет ли он милостивее к нам, к нашим мольбам?..

Можно ли смириться с таким положением дел? Кто как, а я против. Я, если угодно, объявляю вызов обитателям небес, их божественной воле. Я не пришел на войну с пустыми руками, бросив вызов в пьяном бреду или горячке. Засев за книги, я перечитал все известные истории восста-

ний против высших сил – от поражений, как при падении Трои, до победы принца Сиддхартха, более известного под именем Будда Шакьямуни. Согласно легенде, Будда достиг полного представления о природе и причине человеческих страданий – невежестве, а также о шагах, необходимых для устранения этой причины.

Прочитанные книги сменялись одна за одной, победы и поражения проплывали как в калейдоскопе, и чем больше картинок сменялось, тем сильнее и сильнее крепла во мне уверенность об отсутствии универсального общего решения задачи. Общей была только дорога поражения – покориться, спустить паруса на своей бригантине. К победе же каждый приходил своей, протоптанной именно им дорогой. Думаю, во многом и потому, что победа была, есть и будет для каждого своя, наполненная глубоким личным смыслом. Таким образом, для победы в первую очередь требуется определить, что именно победа для тебя, чего хотел бы ты достичь.

Раздумья уносили меня в необъятные просторы мечтаний, но в конечном счете, пожалуй, я выбрал для себя самым главным уйти от чувства сожаления. Порой мы сожалеем об упущенном времени, неверно сделанном выборе, да и мало ли о чем еще. Следующей мыслью я пришел к выводу, что сожалеть можно только о прошлом. Вы не можете сожалеть о будущем, перед грядущим можно испытывать страх, но никак не сожаление. Сожалеть можно только в настоящем

времени о делах минувших дней, каких не вернуть и не исправить. Соответственно, далее задача делилась на две: перестать даже всуе думать и переживать о прошлом, недоступном для исправлений и переделок, и не делать в настоящем, по возможности, ничего такого, о чем потом я бы мог сожалеть.

С настоящим, как мне кажется, разобраться было проще всего. Я взял на вооружение опыт древнего Рима, где за возвратившимся с победой полководцем шел раб, периодически выкрикивая фразу: «Memento mori» (Помни о смерти). Главный свой дар – жизнь – боги могут отобрать в любую секунду, самым случайным и нелепым образом. Нелепая смерть, даже если она не пришла с косою и в черном саване, а явилась на порог в наряде хипстера, все равно остается смертью. А значит, каждую секунду жизни стоит жить как последнюю, наполняя ее любимым делом, общением с друзьями, любимыми и родными людьми, безумными путешествиями, о которых ты мечтал и смотрел только по телевизору, всем тем, о чем чаще всего сожалеешь потом как о несделанном и неисполненном.

Тяжелее всего оказалось не сожалеть о прошлом, сделать выводы, чтобы не повторять ошибок, и после этого отмахнуться от минувшего рукой как от назойливой мухи, что норovit беспрестанно жужжать под ухом в летний солнечный день, мешая наслаждаться дневной идиллией. Но муха была терпелива и подлетала всякий раз, как только я ослаб-

лял свое внимание. Борьба с мухой превратилась для меня в детскую нерешаемую задачку, в которой ребенку позволяли выйти из угла, как только он перестанет думать о желтом слоненке. Желтый слоненок бегал за мной, как привязанный, и не думать о нем не получалось.

В эту трудную минуту мне на помощь пришла моя старая приверженность любви к животному миру. Зачем мне бегать от слоненка, это же мой слоненок? Не лучше ли принять этот факт, со всеми вытекающими из этого плюсами и минусами. Пусть мой слоненок не всегда вел себя хорошо, иногда был больше слоном в посудной лавке, чем порхающим мотыльком. Но это же мой, родной, желтый слоненок – мое прошлое. Каким бы оно ни было, но единственный способ не сожалеть о нем – это полюбить его всем сердцем, как любим мы больного, израненного, грязного уличного пса, забирая его домой, вычищая его щеткой и залечивая раны.

Мое прошлое – мой пес, и каким бы оно ни было, необходимо вспомнить, что это твое прошлое, обнять, прижать его к себе, и залечив то, что поддается лечению, шагать с ним за руку, не оглядываясь назад. Я не могу на сегодня сказать о намеченном пути как о пройденном и исполненном. Но я не планирую спускать ни один парус на бригантине, и пусть боги трепещут пред ней.

К читателям же я хочу обратиться словами Владимира Высоцкого:

«Эй, вы, задние! Делай, как я.
Это значит – не надо за мной.
Колея эта – только моя!
Выбирайтесь своей колеей».

Зербина и Дон Жуан

*Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупредить...*

А. С. Пушкин. Каменный гость

Сын Урана и Геи (Неба и Земли) титан Кронос приходился Зевсу отцом. Повелитель сущего, Кронос не мог и представить себе, что явит миру прообраз будущей цивилизации, где так же принято поедать плоды своих деяний, пока на очередном витке развития результат труда человека не погубит его самого – будь то ядерный взрыв, невиданная болезнь из лаборатории, глобальное потепление или что-нибудь этакое. И созданный Кроносом Зевс, как ни старался титан избежать этой участи, низверг вместе с новыми богами всех титанов в Тартар (глубочайшая бездна, находящаяся под царством Аида) навечно.

Выбрав себе для царского трона гору Олимп, Зевс был гораздо осмотрительнее отца, и уже своих детей наделял лишь толикой божественной силы, не позволяя им представлять для него самого реальную угрозу в будущем. И если отец Зевса Кронос относился к творению наследия как приятной, но, тем не менее, неизбежной работе титана, то царь богов любил прекрасный пол сильно по-человечески, нередко наставляя рога своей супруге богине Гере, до сих пор считаю-

щейся покровительницей брака и материнства. Будучи очень просветленным и прогрессивным богом, именно Зевс ввел некую моду среди мужской половины истолковывать свои сомнительные амурные похождения как невинный поступок, в целом даже направленный на благо – укрепление семьи, но параллельно и оплодотворение самых красивых и сильных женщин, для всеобщего человеческого блага, разумеется.

Царя богов не смущали некие моральные преграды, которых тогда, по всей видимости, еще и не придумали, и представ в облике героя многих войн Амфитриона, он проник в альков его красавицы жены Алкмены. Так хороша была Алкмена, и так жаждал ее Зевс, что превратил два дня и две ночи в одну сплошную ночь любви, и даже шелест трав или крик ночной птицы не доносились в ту ночь, не мешая Алкмене услаждать ненасытного Зевса. Плодом этого союза и стал впоследствии полубог и получеловек, названный древнегреческой мифологией Гераклом.

Гераклу же принадлежит честь быть отцом-основателем испанского города Севилья, расположенного по обе стороны реки Гвадалквивир. Севильские похождения Геракла ускользнули от пера летописца ввиду осмотрительности молодого полубога. Но именно Севилье, как это странно не покажется на первый взгляд, принадлежит честь появления на свет аристократа по имени Дон Хуан Тенорио.

Будучи прямым наследником Урана, Кроноса, Зевса и Ге-

ракла, Дон Хуан впитал эту гремучую смесь как губка, а многовековой испанский шарм и красота испанских грандов создали из этой невообразимой смеси титанов, богов и греков поистине нечто совершенное. Собственно, и рассказ будет посвящен нескольким страницам жизни прямого наследника титанов и богов, короля всех обольстителей, любимца женщин и грозы мужей, Дон Хуана, нам же более известного под именем Дон Жуан.

«Хорошее дело браком не называют», – фраза из старых добрых анекдотов времен СССР. Пожалуй, не ломали бы копыя на протяжении веков и даже нашего социалистического прошлого, где семья была ячейкой общества, писатели и философы всех мастей, если бы кто-то нашел правдоподобное объяснение проблем союза мужчины и женщины. Сколько счастливых семей вокруг, но, как ни странно, это не мешает пропорциональному росту домов терпимости, мужских клубов, массажных салонов, эскорт-сервисов, модельных агентств и института содержанок. Я уж не говорю о мормонах и других сектах, практикующих полигамию.

В современном мире палитра отношения к супружеской верности представлена достаточно широко – от смертной казни через избиение камнями неверных жен до легальной проституции и «Квартала красных фонарей». Но даже там, где пуританство до сих пор в почете, дело Дон Жуана живет и здравствует. Не будем уподобляться примитивистам и сводить эту проблему исключительно к вопросам секса, важ-

ность которого никто со счетов не сбрасывает. Дело бы не зашло так далеко, если бы вопрос упирался только в физику процесса. А Дон Жуан не оставил нам своих мемуаров, так что нам предстоит только догадываться о секретах его популярности среди прекрасной половины человечества.

Вступая в брак, молодожены клянутся в любви до гробовой доски, что не мешает супругам впоследствии предаваться утехам адюльтера. Что же происходит с нами, бурлит ли в нас кровь Зевса и Геры, или еще есть некое объяснение необъяснимого? Что, скажем, не хватало Зевсу, для чего он злил всемогущую Геру? Гера, как любая богиня, была вечно молода, умна и хороша собой, ей не грозили проблемы целлюлита или иные беды, неизбежно приносимые возрастом простым смертным. Что же искал король всех богов, зачем?

Порывшись в Интернете, мы можем также задаться вопросом о причинах супружеской неверности Келли Брук перед Джейсоном Стетхемом, главным героем фильмов «Механик» и «Перевозчик». Такое не измеряется деньгами, властью и положением, подкачанными мышцами, молодостью и новеньким «феррари», хотя все эти «излишества» никого не портят. Вероятно, проблема глубже и сложнее, и в каждом конкретном случае имеет некое личное объяснение, при этом произрастает из корня одного и того же дерева, имя которому – разнообразие.

Создатель мира сотворил его удивительно разным, полным красок и цветов, и как бы ни был сладок выбранный

вами аромат, рано или поздно он приедается, как не заставить человека питаться исключительно черной икрой, как бы дорого не стоил ее грамм. Заплесневелый сухарь приестся, конечно же, раньше, чем надоест икра, но процесс в целом различается только временным лагом. Самая прекрасная богиня или внимательный и галантный рыцарь, предупреждающий прихоти предмета своего обожания, рано или поздно становятся обыденностью, и королеву можно увидеть с садовником, а боги спускаются с небес в постель к простым пастушкам.

Наши спутники (как, впрочем, и мы сами) конечно же, не идеальны. Но главное, что тяготит нас, – это ощущение некой изученности, обыденности, сменяющее любовь на привычку с годами. Маркиз де Брюйер из романа Теофиля Готье «капитан Фракасс» заманил к себе в содержанки актрису Зербину из провинциального театра, дававшего представление в его дворе. Но через некоторое время вернул ее назад, что не мешало маркизу и впредь волочиться за театром и юбкой любимой актрисы. Ведь обладая женщиной, он обладал только Зербиной, а вернув ее на подмостки, он снова обладал Лизеттой, Мартон, Маринеттой, блеском улыбки, восторгами и вожделием публики. *Fugax sequax, sequax fugax* (Убегаешь – тебя ловят, ловишь – от тебя убегают). И дерево разнообразия снова зацвело для де Брюйера, украсив свои ветви всеми цветами мироздания.

Дон Жуан же был, есть и будет для женщин идеаль-

ным любовником, некоей мечтой, рождаемой гораздо более скромной по своей сути женской природой, требующей разнообразия в гораздо более утонченном виде, чем в своей массе сильная половина, удовлетворяющая свою тягу к неизведанному иногда и на окружной. Дон Жуан никогда и никому не станет мужем. Он, конечно, может связать себя узами брака, но тогда, как и Зербина, утратит большую часть своей привлекательности, перестав быть идеальным любовником и мимолетным видением, самым проклинаемым, но при этом и самым желанным разрушителем женских сердец.

Хотел бы сразу заметить, чтобы мои слова не были превратно истолкованы ревнивцами традиционных семейных ценностей. Я, как, думаю, и большинство из нас, тоже считаю семью основой существования человеческого общества, и не оправдываю супружеских измен или легкомысленного отношения к созданию семьи, заменяя ее так называемой свободной любовью. Именно это отношение и побудило меня написать все вышеизложенное. Ведь причудами нашего образования дети 11—12 лет обучаются в школе и 4—6 лет затем в высших учебных заведениях. За это время им раскроют тайну атома и далекого космоса, но не научат, как жить на белом свете.

У нас не принято учить, как построить семью или отношения с друзьями, коллегами и партнерами, и каждый начинает на своем тернистом пути наступать плюс-минус на одни и те же грабли, больно получая ими в лоб. И далеко не вся-

кому достаточно наступить на грабли один раз.

Также я, естественно, не претендую на изобретение некоего универсального всемогущего рецепта семейного счастья, что позволит построить идеальный мир или идеальную супружескую пару. Но вызывает внутреннее отторжение бесчисленное количество курсов и тренингов, коучей и наставников, что выдают свой личный опыт и некие сомнительные утверждения за истину в последней инстанции, окончательно запутывая попавших к ним в сети, превращая их в зомби или адептов очередной секты.

Встретив проблемы в семейной жизни, прежде чем окончательно расстаться, западный мир считает модным сходить за советом к психологам, изрядно поправив их материальное положение. Мы по старинке ограничиваемся друзьями и подругами. Но мне кажется, что лучше не дать погаснуть огню любви и теплоте ваших чувств, ведь два раза Прометей огонь не украдет. И если брак все еще дорог, меняйтесь каждый день. Начните петь, играть на гитаре, скакать на лошади или читать книги, возьмитесь за кисть у мольберта или утоните в ритме вальса, прыгайте с парашютом или спускайтесь под воду с аквалангом, учите итальянский или заведите собаку, отпустите волосы, похудейте, займитесь спортом. Будьте Дон Жуаном или Зербиной друг для друга, составьте себе план изменений и следуйте ему, не сворачивая с курса. Бросьте вызов судьбе, начните меняться и вы, ведь самое главное отличие живого от мертвого – непрерывный процесс измене-

ний.

Высокий суд

*Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притвориться и добрым, и смелым,
И назначить, при случае, черное – белым,
И веселую ртуть превращать в серебро*
Александр Галич. Заклинание Добра и Зла

Ваша Честь! Подать иск к Ответчику, на стороне которого общественное мнение, кое, к моему глубокому сожалению, способно оказать влияние на самый непредвзятый суд, и даже на этот Высокий Суд, есть уже вызов к существующему порядку вещей, следствием которого я легко могу превратиться из обвинителя в обвиняемого и быть признан виновным.

Виновным в чем? В том, что я воспользовался своим правом высказать несогласие, иметь свое собственное мнение, причем держать его не глубоко в себе, а высказать публично, предлагая Высокому Суду вынести свой вердикт. И все же я принял решение бросить перчатку, и стою сейчас здесь перед Вами.

Не скрою, моя собственная судьба все еще заботит меня, и я рассчитываю, что чаша весов склонится в мою пользу. Но если доводы мои будут тщетны, то я приму Ваш приговор с мыслью о том, что Суд Вечности есть высшая инстанция над всеми судами, в том числе и над этим Высоким Судом.

Миллиарды лет уйдут в небытие, а Суд Вечности будет раз от разу пересматривать Ваше решение, каким бы оно ни было.

Но довольно. Я обвиняю Добро. Поверьте, кто-кто, а я имею право на это. Пусть Вас не смущает клеймо преступника, украсившее мое чело на века, его нанесли мне всего лишь люди. Я мог выжечь его, и мой лоб украшал бы сейчас шрам, говоривший всякому о карьере воина и храбреца. Но заглядывая в себя, я видел бы отравленный ложью родник, выложенный горным хрусталем и стразами. Хрусталь радуется взгляд прохожего, но пить из этого родника приходится только мне.

Случалось ли Вам, Высокий Суд, испытывать прежде азарт – то несравненное чувство, когда все тело трепещет от предвкушения, и сердце отстукивает каждую секунду выстрелом в висках? Испытавший его хоть раз никогда не вернется к прежней пресной жизни, размеренной и спокойной. Величайшие мира сего ставили на кон все, и даже саму жизнь, ради секунд страсти и воодушевления. Кто выиграл, а кто проиграл. Но верни проигравшему все вспять, и он снова сделает ставку, снова рискнет, доказывая себе, что все еще жив и может сдернуть недрогнувшей рукой зеленую скатерть с игрового стола.

Те слабаки, выбравшие спокойную и размеренную жизнь, не испытывавшие огня любви, огненной страсти, безумия риска, чувства ошеломляющей победы и ужаса поражения, –

разве не видят они во снах себя в сияющих доспехах с копьем наперевес на лихом коне, встречающим лицом к лицу целые армии недругов, ведомых огнедышащим трехговым драконом? Разве не снятся по ночам старым девам истории любви, обжигающей небеса и низвергающей небо на землю?

Я, Высокий Суд, был и есть разбойник. Так окрестили меня люди, так было и есть по сей день. Но я не прошу прощения, и даже сейчас, клейменный, в клетке и кандалах, я – обвинитель, и требую справедливого суда и приговора. Я не прожил свою жизнь лавочником или пастухом, не был ремесленником или врачом. Темный лес, горы, пустыня давали мне и моим братьям приют. Я грабил караваны и убивал всякого дерзнувшего мне противиться, я брал жемчуга, шелка и девушек ровно столько, сколько было угодно моей душе, как бы ни молили меня о пощаде. Но делал ли я это ради одного только обладания? Задайте себе этот вопрос. Разве есть у меня дворцы с сундуками, ломящимися от серебра и золота, скрывающиеся за своими дверями прекрасных одалисок? Кровь, сама жизнь требовали от меня каждый день завоевывать женщин и пиастры, вырывая их из рук тех, кто оказался слабее. Разве пронзенные моим клинком не умирали с тем же стуком крови в висках, разве не я дарил им искусство по-настоящему наслаждаться жизнью? Прощальный поцелуй любимой перед тем, как ринуться в неравный бой и принять смерть от руки бандита. Он стоит всех поцелуев мира и разве не я дарил им возможность обрести его?!

Снимите улыбку с лица, Ваша Честь, ее одеть Вам дают возможность мои кандалы, клетка и охрана суда. Это не делает Вам чести. Я совсем не Робин Гуд, и не раздавал бедным награбленное, считая, что тем самым окажу им только медвежью услугу. Я рад был смельчаку, примкнувшему ко мне, и не считал достойным сожаления раба, влачащего жалкое существование, независимо, был ли этот раб бедняком или господином.

Да, я не благородный преступник, и клеймо на моем лбу скажет об этом всякому. Но даже у самого неблагородного в моей стае было то, чего нет у многих из вас. Я мог захватить силой караван и, убив близких красавицы, увлечь ее в свой шатер. Но после, когда пыл битвы остывал, и кровь возвращалась в жилы, самый красивый жеребец уносил под моей охраной пленницу к ближайшему поселению, а в седельной сумке было столько драгоценных камней, что многие короли рождаются и умирают беднее.

Всю свою жизнь, сколько я себя помню, я был Закон для себя и для всех, до кого дотягивался рой моих неуловимых смельчаков, готовых рискнуть жизнью при малейшей возможности, какая только может им представиться. В наших краях смерть первым находит труса, такие погибают в первой стычке, испугавшись охраны каравана и показывая ему спину. Стоит ли о них говорить? Те же, кто не свернул, пили мед в честь своих побед или умирали с улыбкой на устах, воздавая дань небесам за возможность насладиться безум-

СТВОМ ЖИЗНИ.

Лавочники ждут от Вас суровый приговор, но кого или что они хотят осудить, и готовы ли Вы, Высокий Суд, стать на их сторону? Здесь судят не меня, здесь чернь пытается получить индульгенцию, исписанную чернилами бумажку, что их жалкая жизнь, вечерняя выпивка и свисающее брюшко, свиные глазки, лень, зависть, трусость и подлость – все то, чего с лихвой хватает в вашей обыденной жизни, есть Добро, за которое они так стоят и ратуют. Степень моего презрения так велика к ним, что я не смогу и не буду отвечать на их жалкие обвинения. Более того, построив свою речь на обвинении Добра, я отмою своего противника (Добро) от этой мерзости, какую чернь пытается в него запихнуть.

Мой ответчик, мой обвиняемый, – это другое Добро. Оно настоящее и сверкает драгоценным бриллиантом в восходящих лучах солнца. Мое Добро способно озарить подлунный мир и выйти на схватку не прячась в сундуках со шмотьем, как прячется торговец, видя спускающихся с гор вооруженных всадников. Но, как и должно быть в подлунном мире, сокровище, преломляющее свет мириадами граней и принося в мир краски радуги, приносит владельцу неисчислимы горести и страдания. Сколько людей укоротили свой век благодаря драгоценным камням и другим ценным безделушкам!

Ваша Честь, сейчас площадь полна народа. Спросите у них, есть ли кто, кому Добро не вышло боком, кто возрадовался бы Добру как путник в пустыне при виде колодца?

Молчат. Ребенок, открывший дверь на просьбу выпить глоток воды и пустивший бандитов в дом; отец семейства, хуже каторжника пропадавший на работе ради жены и детей, брошенный впоследствии ими в старости и немощах; занятый другу золотой, превративший друга в злейшего врага, в каждом сне представляющего тебя мертвым; супруга, что дает выпить смертельный напиток любящему мужу, высвобождая рядом с собой место молодому любовнику-повесе. Все они получили расплату за Добро, не прояви которое, стоять бы им на площади рядом с нами сейчас.

Добро змеей, обманом проникло в их сердца и заставило сотворить все это – хорошие поступки, обернувшиеся для своих хозяев так прискорбно. Кому стало лучше от их Добра? Убитому бандитами мальчику и его семье или бандитам? Давшему взаймы или должнику, подбросившему тарантула кредитору в постель? Молчите?! Чего же Вы перестали кричать, требуя распнуть меня на дыбе?

Каждый из Вас вспоминает сейчас тот редкий случай, когда вы, мелкие и ничтожные, выносили в своих сердцах грамм Добра и потратили его на кого-то. Чем отплатили Вам? Шрамы и ушибы «благодарности» чешутся, думаю, на ваших телах до сих пор, не давая забыть «прелесть» хороших дел. В чем же прелесть Добра, чем подкупает тогда оно ваши души, если следуя его пути, навлекаете горести на себя и на близких своих? Кому нужно такое Добро?

Я скажу Вам: Добро – обман, мыльный пузырь, надувае-

мый проезжим паяцом на радость публике, мираж, манящий к себе в пустыне, оборачивающийся для путника еще большей бедой. Того же, кто пришел творить Добро, надлежит, как Иону (библейский пророк, воспротивившийся воле богов и выброшенный для успокоения моря за борт), предать скорому суду, пока не навлек он бедствий на ваши головы.

Думаю, мне не уйти с этой площади живым. Но будет ли такое решение судей справедливым, вот в чем вопрос. В моем сердце не было Добра, я не сеял его семена и не заражал этой болезнью невинные души. Сотворенное мной было лишь каплей, толикой слез, неизбежно приносимых в этот мир. Но я всегда называл разбой – разбоем, а смерть – смертью, я не обманывал и не подсовывал хрен, убеждая в его сладости. Добро же принесло в мир неисчислимый поток слез, горестей, болезней, утрат и разочарований, и никакие бандиты не сравнятся с ним в его разрушительной силе.

Так случилось, что я всю жизнь противостоял Добру, боролся с ним, сталкиваясь лицом к лицу, как воин, а не трус, избавляя Вас от его ветвей и плодов. Так отчего ж не славите вы меня, почему не устилаете мне путь лепестками роз, почему не льется лучшее вино, и девы не лобзуют мои уста? Вы выжгли на моем лбу клеймо и притащили на лобное место. Скорый суд, дыба – и по домам. Творить Добро? Нет, вам страшно. Страшно от моей правоты и осознания сотворенного Вами.

Сегодня Высокий Суд примет решение повесить меня или

четвертовать, разницы нет. Я хочу жить, но не боюсь умереть, Вам не понять этого. Ведь смерть здесь и сейчас, – это еще раз на мгновение услышать пульсацию крови в висках – то, ради чего и жил я на белом свете. Своим чернильным приговором Суд подарит мне нескончаемое наслаждение, а вам всего лишь даст исписанный листок бумаги, за которым будет спрятано Ваше мещанство, страсть, похоть, и, конечно, Добро, что будет твориться вашими руками раз от разу.

Я презираю Вас и Ваш Высокий Суд. Обращаясь же к Суду Вечности, я требую принять законное решение и вынести суровый приговор в отношении подсудимого, а здесь только один подсудимый – Добро. Какими долгими бы не оказались миллиарды лет ожидания, но я воскресну и приду в день Справедливого Суда, и когда Приговор будет объявлен, я буду смотреть в лицо своему врагу, как делал это всегда при жизни.

Равный Богу

*Летит в ночи мелодия дождя,
Струится нежно, будто звуки скрипки,
В желанном вальсе, трепетно скользя,
Танцуем мы, промокише до нитки...*
Горлен. Вальс дождя

Я волшебник, и обречен жить вечно. Только в отличие от джинна, я не раб лампы. Я вообще не раб. Величие множественной Вселенной принадлежит мне. Я могу вырастить гору или повернуть реку вспять, вернуть из загробного мира или превратить в жабу. Почему же я не делаю это каждый день, спросите вы? Потому, что могу. Если каждый из вас может хлопнуть дверью, это не значит, что вы стоите в проеме и хлопаете ею часами. Вы можете, и вам этого достаточно, хлопнете, когда захотите. Так и я, мне нет смысла творить чудеса на чью-то потеху, и меня не радует то, что я могу делать это хоть каждый миг – сделаю, когда звезды сойдутся на небосклоне, и я захочу сотворить очередное волшебство.

Сегодня я – птица, гордая и красивая. Я сотворил себя и весь свой птичий род под утреннее благоденствующее настроение, по-моему, получилось красиво. Я расположился на лесной поляне, где мне так нравится запах цветов и трав, а мои птички собратья выбрали более безопасные ветки деревьев. И конечно, она – моя избранница и любовь. Она тан-

цует для меня под утренним летним дождем, который я пролил сегодня на землю. Боже мой, как она танцует. Она кружится в вальсе, а дождь ведет ее как партнер. Вращаясь, она расправляет крылья и забрасывает с криком голову вверх. Капли дождя, как скульптор, бережливо снимают с нее отпечатки, откладывая их в моей памяти, что надежней гранита, бетона и стали.

Кажется, эта пара – дождь и моя возлюбленная – никогда не устанут танцевать, кружась в такт стучащему сердцу, моему сердцу. «Тук», – говорит оно, и брызги взметаются ввысь от поднимаемых в танце крыльев. Я не в силах остановить их, как вы не в силах перестать дышать.

«Вы никогда не устанете, – говорю я им. – Дождь, что я проливаю летним утром, и ты, моя любовь, вы будете танцевать для меня каждый раз, когда мое сердце обратится к небесам, иначе больше оно не сможет мне служить». И танец уводит их дальше, орошая летнюю землю каплями животельной влаги. Присмотритесь к падающим каплям, разве вы не видите в них мою любовь, мою гордую птицу, что танцует в обнимку с дождем, разве ваше сердце не вторит моему, требуя дальше и дальше продолжать этот танец небес?

Я охотник, я не могу заниматься чем-нибудь одним. Все величие мира в моих руках. Я крадусь в лесу так тихо, что даже пугливая лань не услышит мой шаг. Только сердце может выдать меня – его стук, как колокол, разносится в свете утренней зари. «Тише», – приказываю я ему, и оно замирает

по моей воле, тихонечко отстукивая свой ритм. Адреналин проливается мне в кровь, обильным ручьем разнося по всему телу приятное напряжение и азарт.

Я волк, вышедший на охоту. Я хочу убить, я должен это сделать, чтобы принести в логово кусок еще теплого мяса с кровью, утолить голод моей волчицы и маленьких волчат, коих мне подарила моя возлюбленная. Боже, как я бился за нее, сражаясь с другими волками! Казалось, не волк – лев вышел на арену. И теперь она моя, а в моем логове меня ждут волчата, моя кровь и плоть.

Шаг – и я оглядываюсь перед собой, затем шаг, еще шаг. Где бы ни была моя добыча, я найду ее. Я должен это сделать, я не вернусь без еды к голодному семейству, иначе сердце мое встанет навек. «Тук», – тихонечко говорит оно, и мы движемся навстречу добыче сквозь капли утреннего летнего дождя.

На открывшейся поляне моему взору предстала картина настолько аппетитная, что даже у меня, матерого волка, потекли слюнки. Огромная птица сидела на траве, увлеченно что-то высматривая среди дождевых капель. Ее собратья, видно, гораздо менее беспечные, расположились на ветках, нахохлившись, пытаясь скрыться от падающих капель. Лишь только эта птица на расстоянии одного прыжка, рывок и хрустнут кости, добычу в зубы и домой, к моей волчице и копошащейся детворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.